

БЕЗ ЛЮБВИ НЕ СЧИТАЕТСЯ

18+

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОБЕДИТЬ,
БУДЬ ГОТОВ ПОСТАВИТЬ НА КОН ВСЕ...
И ДАЖЕ СВОЕ СЕРДЦЕ.

Алекс Хилл

Young Adult. Инстахит. Романтика

Алекс Хилл

Без любви не считается

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хилл А.

Без любви не считается / А. Хилл — «Эксмо», 2024 — (Young Adult. Инстахит. Романтика)

ISBN 978-5-04-197991-1

Ошибки дорого стоят. Нельзя проводить ночь с горячим, самовлюбленным красавцем за две недели до свадьбы! Диана думала, что летит на праздник к лучшей подруге, а попала в настоящий сериал. Теперь обручальное кольцо в заложниках у музыкального продюсера и негодяя – Марка Рождественского, который не собирается возвращать его по-хорошему. Но у Дианы есть план. Втереться в доверие, охмурить, обмануть – никаких чувств, только дикий азарт, холодный расчет и обжигающая страсть. Главная цель – вернуть украденное и спасти семейное счастье подруги. Но что делать, если вдруг в заложниках окажется ее сердце? Для поклонников Аси Лавринович, Тери Нова, Анны Джейн.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197991-1

© Хилл А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Плейлист	6
Глава 1	7
POV [1] Диана	7
Глава 2	16
POV Диана	16
POV Марк	21
Глава 3	25
POV Диана	25
POV Марк	31
Глава 4	35
POV Диана	35
POV Марк	40
Глава 5	44
POV Диана	44
Глава 6	54
POV Диана	54
POV Марк	59
Глава 7	67
POV Диана	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Хилл

Без любви не считается

© Хилл А., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Плейлист

Yoav – Club Thing

David Guetta – The World Is Mine

Tricky, Martina Topley-Bird – Hell Is Round The Corner

ЯАВЬ & Группа Skryptonite – Берегом

Eminem & D12 – My Band

Wu-Tang Clan feat. GZA, Ol' Dirty Bastard, RZA, Method Man – Reunited

Баста feat. Дарья Янина – Зажигать

Andrea Di Giovanni – Got to Blame

Иван Рейс – Окна

R.A.SVET – Бездомное сердце

Посвящается великолепной четверке девушек, которые уже давно без ума от этой истории. Благодаря их вере и внутреннему огню она была начата. Благодаря их поддержке – закончена. Даша, Марина, Мару, спасибо, что защищаете от меня моих же героев. Ди, предлагаю из пророческого оставить только любовь. Договорились?

Люблю вас, змеючки.

Глава 1

POV¹ Диана

Летела на свадьбу, а попала на похороны счастливой жизни лучшей подруги. Разливаю по бокалам вино, темно-бордовые волны бьются о стеклянные стенки, к носу поднимается терпкий аромат винограда, ежевики, корицы и черного перца. Я с таким трепетом выбирала эту бутылку, представляя уютный и душевный вечер, что даже на ценник не смотрела, но теперь понимаю... лучше бы привезла ящик водки. А еще лучше два, чтобы на пару недель хватило. И денег бы сэкономила, и нас запасом анестетика обеспечила. За спиной тихо скулит Дарина, и я прижимаю холодные пальцы к гудящему виску. Перелет не был долгим, но сбор вещей и все пограничные процедуры меня вымотали, а здесь еще и такая новость.

Подхожу к дивану и сажусь рядом с подругой, протягивая ей бокал. Дарина стирает слезы с раскрасневшихся щек и касается дрожащими пальцами тонкой стеклянной ножки.

– Думаешь, я шлюха? – обреченно спрашивает она.

– Я думала, ты любишь Пашу, – вздыхаю я.

– Люблю! Конечно, люблю! Сама не знаю, как так вышло... я не собиралась... не хотела...

Ее голос тонет в шуме автомобильных двигателей, который доносится из приоткрытого окна кухни. Теплый весенний ветер расплзается по мраморной плитке и облизывает голые ступни. Дарина прикрывает ладонью заплаканные глаза и трясет головой, словно это поможет ей стереть воспоминания, а я делаю несколько больших глотков. Мы знакомы с младших классов, нас даже называли близняшками из-за длинных русых волос и маниакальной любви к розовому цвету, которая прошла только после окончания девятого класса. Дарина правда стала мне названной сестрой. Мы пережили все: первую неудачную стрижку, бритье ног, разбитое сердце, похмелье. Даже когда я уехала, наша связь не истончилась, но о таком ее выкрутасе... я и подумать не могла.

– Ди, что мне делать? Паша... он... он же бросит меня. Не простит, – жалостливо всхлипывает она, и у меня сердце сжимается от ее искреннего раскаяния.

– Единственный вариант – купить новое кольцо. Только вот гарантий, что это никогда не всплывет, сама понимаешь... никаких.

– Это кольцо нельзя купить, его сделали на заказ. И оно стоит, как все наши органы, вместе взятые.

Дарина прикладывает пухлые, исправленные филлерами губы к бокалу и осушает его залпом, даже не поморщившись. Хватает телефон и яростно бьет пальцами по экрану.

– Это все он! Все из-за него! Это ж надо быть таким ушлепком бессердечным!

Заглядываю в новый смартфон последней модели и невольно приподнимаю брови. На фотографии полуобнаженный мужик в отражении зеркала ванной комнаты, белое полотенце обернуто вокруг бедер, от пупка под махровую ткань спускается аккуратная полоска темных волос. Горло сушит, и я отпиваю еще вина, продолжая рассматривать героя вчерашнего дня. Рельефные мышцы пресса, прокачанная грудь, плечи и руки, покрытые татуировками, на загорелой коже видны блестящие капли воды. Где-то в глубине души я начинаю понимать Дарину, таких, как он, редко можно встретить за пределами женских фантазий. Самодовольная широкая улыбка красуется на смазливом лице, во взгляде несокрушимое превосходство, а в пальцах правой руки зажато помолвочное кольцо с огромным чистым бриллиантом.

¹ POV – аббревиатура (от англ. point of view – «точка зрения»); под POV-персонажем, или просто POVом, подразумевается главный герой произведения или его части, глазами которого читатель «смотрит» на происходящие события. – Прим. ред.

– Отдам лично в руки жениху, – кривится Дарина, читая сообщение под фотографией. – Сволочь! Да как он может вообще?! Сейчас я ему все скажу!

– Не вздумай! – Я выхватываю телефон. – Только хуже будет.

– Куда уж хуже?! Я потеряла все! Все, понимаешь?! Любовь, будущее, счастливый брак! Я шла к этому три с половиной года и просрала из-за...

Дарина с размаху швыряет пустой бокал на пол, слышится звон и шуршащий треск разлетевшегося стекла.

– Сука! – отчаянно вопит она. – Ну почему?! Почему это произошло?!

«*Может быть, потому что Паша плохо тебя трахает?*» – мелькает в мыслях, но я решаю не озвучивать эту догадку.

Дарина подтягивает колени к груди, упираясь пятками в край дивана, и вновь заходится в рыданиях. Допиваю остатки вина в пару глотков и ставлю стакан на пол. Для измены нет оправданий, но Дарина моя подруга, и мне бы не хотелось, чтобы она всю жизнь страдала из-за одной-единственной ошибки. Поднимаю телефон и снова смотрю на горячее фото.

– Где, ты сказала, вы познакомились? – Я открываю личную страницу соблазнителя.

– В... в «Соль и сахар». Мы с Ликой и Милой ходим туда каждую пятницу, чтобы выпустить демонов.

– А лучше бы в церковь ходили.

– Ха-ха, – понуро отзывается Дарина.

– «Марк Рождественский, музыкальный продюсер. Посыпаю музыку смыслом, сделаю из тебя звезду. Красивых девушек прослушиваю на дому», – читаю заголовок в шапке профиля. – Дарин, так ты прослушивание проходила? Не знала, что ты мечтаешь о сцене.

– Не смешно!

– Разве? – хмыкаю я, листая яркие фото с вечеринок и концертов.

– Ди, может, мне на него заявить? Сказать, что напоил и...

– И сесть за клевету, – отрезаю я, схватив бокал, и поднимаюсь.

Осторожно, чтобы не наступить на стекло, шагаю к кухонному островку за бутылкой. Наливаю еще вина и выпиваю разом половину, ощутив наконец-то приятное расслабление. Жизнь непростая штука, а люди в ней всего лишь неприкаянные души, старающиеся хоть чем-то заполнить внутреннюю пустоту. Для кого-то это успешный бизнес или всеобщее признание, а для кого-то удачный брак и трое вопящих голов. Мы все чем-то питаемся, помимо еды: любовью, ненавистью, тщеславием, но если физический голод можно утолить почти без проблем, то с моральным все сложнее. Дарина бредила свадьбой последние несколько лет, и это неудивительно. Паша – настоящий мужской раритет в наши дни: обязательный, любящий, ответственный, внимательный, и, что немаловажно, финансово выгодный. Полный комплект. Прошлая ночь была глупостью перебесившейся невесты, которую срочно нужно исправить.

– У меня есть идея, – раскручиваю вино в бокале, наблюдая за бордовой воронкой.

– Какая? – с трепетной надеждой спрашивает Дарина.

– Мы ведь знаем, что кольцо у него. Нужно всего-то прийти и забрать.

Яркие вспышки цветных огней летают по просторному залу клуба, вибрации басов ощущаются в плотном воздухе. Подхожу к ограждению, опускаю ладони на деревянный поручень и медленно скольжу взглядом по танцполу и бару, отмечая детали посвежевшего интерьера. Здесь многое изменилось за последние семь лет, но стоит начать с того, что теперь вокруг одни молодые незнакомцы, а ведь когда-то я знала почти каждого, кто приходил в «Соль и сахар». Достая мобильный из крошечной сумки и отправляю Дарине сообщение о том, что я уже на месте. Ответ приходит незамедлительно: «*Ди, ты уверена?*» Я всегда уверена. Убираю телефон и поправляю наскоро завитые в крупные локоны волосы. Охота начинается.

Первые полтора часа уходят на разведку. Лениво танцую и потягиваю легкие коктейли за баром, отмахиваясь от надоедливых студентов, которые сполна оценили мое короткое черное

платье с открытой спиной и татуировку, тянущуюся вдоль позвоночника. Ближе к полуночи народу в клубе становится в разы больше, голова гудит от громкой музыки и недостатка сна. Заказываю стакан воды, чтобы унять боль, но она мгновенно проходит, когда я наконец вижу цель.

Он спускается по боковой лестнице. Гордая осанка, сканирующий взгляд с поволокой надменного самолюбия. Черная футболка обтягивает широкие плечи, серые узкие брюки демонстрируют накачанные бедра и икры. На ногах темные кеды с белоснежной подошвой, которая ярко светится в неоне, на правой руке массивные часы из белого металла, а от костяшек вверх тянутся темные узоры замысловатых татуировок. Весь его вид кричит, что он молод душой и телом, но я уверена, если подойду ближе, то легко найду пару седых волос в этой густой светлой шевелюре. Глаза обмануть можно, а вот Гугл нельзя.

Марк Рождественский – тридцать один год, холост, детей нет. С отличием закончил Государственный университет культуры и искусства по специальности «Социально-культурная деятельность». Создатель музыкального лейбла «DR», музыкальный продюсер группы «Громче», Ника Мышелова и дуэта «Сочь».

Если судить по всем собранным данным и эмоциональному рассказу Дарины, то можно сделать один простой вывод – передо мной нарцисс, который жуть как не хочет стареть. Иначе зачем еще ему тусить каждые выходные в студенческом клубе?

Остаюсь в скрытной наблюдательной позиции еще на несколько минут, оценивая обстановку. Марк останавливается у противоположного конца бара и здоровается с парнем за стойкой дружеским рукопожатием. Девушки у края танцпола принимаются активнее вилять бедрами и бросать зазывающие взгляды на короля вечеринок. Кажется, его ждала не только я, а это значит, привлечь внимание невзначай будет не так-то просто. Выпиваю воду, обдумывая варианты. Лезть на барную стойку или нарываться на разборки у меня сегодня совсем нет сил, придется действовать мягче. Надеюсь, овечья шкурка мне все еще впору.

Оставляю пустой стакан и слезаю с высокого стула, придерживая край платья. Медленно двигаюсь вперед, глядя по сторонам так, словно ищу кого-то конкретного. Шаг, еще один, и еще. До цели всего метров пять. Ловлю первого попавшегося парня, коснувшись ладонью его плеча, и тянусь к лицу, напрягая голосовые связки:

– Ты не видел Андрея?!

– Кого?!

– Извини, обозналась!

Отступаю, разочарованно вздохнув, и снова кручу головой, продолжая спектакль. Подкрадываюсь все ближе к Марку, но не смотрю на него, выискивая только что выдуманного Андрея. Отсчитываю про себя пять секунд, заламывая пальцы, и поворачиваю голову, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от Рождественского. Он беззастенчиво рассматривает меня, задержавшись на открытых ногах. Уголки его губ приподнимаются, а я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. И все-таки это платье меня еще ни разу не подводило. Чего только стоила истерика Лукаса, когда я пришла в нем после нашего разрыва на день рождения общего друга.

– Ты не видел Андрея? – громко спрашиваю я, заставляя Марка поднять взгляд.

– Какого именно? – уточняет он.

– Жаркова! – называю фамилию своего репетитора по иностранным языкам. – Он высокий такой, у него еще огромная родинка на левой щеке.

– Прости, но таких не знаю.

– Ясно, – грустно киваю я и делаю шаг назад. – Извини.

Отхожу в сторону, изображая вселенскую печаль, и достаю из сумки телефон. Делаю вид, что набираю номер, и нервно запрокидываю голову, прижимая мобильник к уху. Надеюсь, Марк все еще смотрит. Какой же концерт может быть без зрителей? Отыграв мимикой все

стадии ревнивого припадка, искоса поглядываю на бар и чувствую мощный толчок в районе груди. Марк не просто смотрит, он меня пожирает. Неужто ему и впрямь интересны только несвободные девушки? Самоутверждается за их счет? Как мило.

На мою удачу бармен все еще стоит рядом с Рождественским, поэтому я снова шагаю напрямик к нему и опускаю локти на стойку, прижимая ладони к щекам.

– Виски! Сто! Со льдом! – чеканю я заказ.

– Все так плохо? – Раздается рядом довольный голос без капли сочувствия.

– Пока еще не решила.

– Изменил?

– Надеюсь, что нет.

Бармен ставит передо мной низкий бокал из толстого стекла, кубики льда плавают в янтарной жидкости и поблескивают в ярких вспышках танцующего света. Протягиваю руку с браслетом, чтобы оплатить напиток, но моей ладони касаются горячие пальцы, опуская ее.

– Я угощаю, – говорит Марк.

Выворачиваю кисть и касаюсь браслетом терминала:

– Не стоит.

– Не стоит девушкам пить крепкий алкоголь в одиночку.

Поднимаю подбородок, заглядывая в смеющиеся светлые глаза. Его фраза звучит безобидно, но я прекрасно понимаю, что за ней кроется. Овечья шкурка трещит по швам, и я отвечаю уже вне образа:

– Мне не впервой!

Опрокидываю порцию виски, тепло разливается по горлу и груди. Марк на мгновение замирает, словно в нем что-то заклинило, а у меня есть время для маневра. Разворачиваюсь и успеваю сделать всего пару шагов на высоких каблуках, как вдруг чувствую крепкую хватку на предплечье. Слишком нагло для первой встречи, но это именно то, чего я добивалась.

– Я помогу тебе найти Андрея.

– Не надо, я уже передумала. Поеду домой.

– Нельзя тебя отпускать в таком состоянии.

Боже, дай мне сил не рассмеяться ему в лицо. Ну прямо герой!

– Давай я тебя все-таки угощу, – вкрадчиво предлагает Марк. – Успокоишься, а потом я посажу тебя в такси.

Так вот как он баб цепляет? Лживая забота. Ну еще бы, от такого любая растечется.

– Здесь слишком шумно. Не хочу оставаться.

– Можем найти местечко потише.

Какой шустрый. Нет уж, его охотничьи инстинкты еще не включились на полную. Мне нужен не ближайший отель, а его дом. Кривлю губы, выдавая реакцию гордой и оскорбленной девственницы, и дергаю плечом:

– Пока!

Марк выскакивает передо мной, показывая раскрытые ладони, и смеется:

– Я не об этом. Наверху есть кальянный зал, там тихо.

Недоверчиво прищуриваюсь, и он подступает ближе, опуская руки на мои плечи. Как быстро мы стерли границы личного пространства. А он неплох, знает, что делает.

– Послушай, – вздыхает Марк, – у меня уже был печальный опыт, и я не хотел бы, чтобы с тобой что-то случилось. Ни один гондон этого не стоит.

Как стелет-то, а! Мои аплодисменты мастеру! Отличная ложь, но не лучше, чем у меня.

– Ладно, – смущенно отвечаю я. – Компания мне и правда не помешает.

В кальянном зале действительно тише, над столиками витает сладкая дымка, на диванах сидят веселые компании. Марк ведет меня в другой конец зала, придерживая за поясницу, и отодвигает плотную занавеску, за которой прячется еще одно место отдыха в свете розовых

неоновых ламп. Сжимаю зубы, сдерживая приступ смеха. Такое количество дешевой пошлятины можно найти разве что на сайтах женской эротической прозы.

– Что тебе взять? Еще виски? – спрашивает Марк, наклонившись к моему уху.

– Только если и ты выпьешь со мной. – Я облизываю губы, на которых еще остался терпкий горьковатый вкус.

– Конечно. Я сегодня за тебя в ответе.

«Да, да. И ты, разумеется, сам так решил», – мысленно усмехаюсь.

Рождественский направляется к бару, и я оборачиваюсь, глядя ему вслед. Со спины все так же хорошо, ходячее сексуальное напряжение. Наверное, не знай я, на что он способен, купилась бы на приятную внешность и теплые заботливые байки в два счета. Ныряю за занавес и опускаюсь на мягкий кожаный диван. Прижимаю ладонь к животу и глубоко вдыхаю, стараясь прочувствовать состояние. Два пакетика сорбента и хороший стейк должны помочь мне пережить эту ночь без эксцессов и потери контроля от превышенной дозы алкоголя.

«Что ж, Марк Рождественский, поиграем? Я подготовилась. А ты?»

– Хочешь кальян? – Марк заглядывает в закуток.

– Я не курю.

– Бережешь здоровье?

– Нет, просто не понимаю кайфа.

Он садится на диван, занимая бо́льшую его часть, и закидывает руку на спинку позади меня. Мелкие мурашки рассыпаются по шее и плечам, и я порывисто втягиваю носом воздух. Единственное, о чем я не подумала при подготовке, так это о том, что у меня уже четыре месяца не было мужика.

– И в чем же твой кайф?

– Я пока в поисках.

– Как успехи?

– Ничего интересного.

– Все самое интересное впереди, – Марк с любопытством вглядывается в мои глаза. – Как тебя зовут?

– Наташа, – отвечаю я без промедления, называя имя девочки, которая жутко бесила меня в старших классах. – Можно просто Ната.

– А я Марк.

– Марк, – повторяю я, рассматривая его губы. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, – медленно произносит он.

Ух, черт! А тут становится жарко. Официант появляется очень вовремя, развеяв дымку влечения. Легким движением руки он отбрасывает занавеску и опускает на стол бутылку виски, пару бокалов и две тарелки с нарезками: сырную и фруктовую.

– Если хочешь, можем заказать что-то из нормальной еды, – предлагает Марк.

– Спасибо. Вы свободны, – вежливо обращаюсь я к официанту и хватаю пальцами крупную зеленую виноградину. – Если мы закажем еды, то весь твой хитрый план по моему соблазнению рухнет, Марк. Я не пьянею на полный желудок.

– Кто сказал, что у меня есть план?

Разглядываю виноградину еще несколько секунд и кладу в рот. Плотная кожура лопается, оставляя на языке сочную мякоть, которая легко соскальзывает по горлу. Подталкиваю кожуру языком к передним зубам, аккуратно вытаскиваю и опускаю на салфетку. Поправляю волосы, перекидывая их на одно плечо и открывая шею, и только теперь смотрю во внимательные светлые глаза. Марк жадно ловит каждое мое движение и ждет ответа, которого не будет, потому что он уже не актуален. Я его привлекаю, и он не прочь провести со мной ночь. Это же очевидно.

– Расскажи мне... – заговариваю я, но не успеваю закончить.

Марк наклоняется, оказавшись со мной лицом к лицу, протягивает руку, хватая виноградную кожуру, и съедает ее.

– Вкусно. – Его дыхание мягко щекочет мои губы.

– И не гигиенично.

– Я не из брезгливых.

– Когда ты был у венеролога в последний раз?

Марк заливается смехом, и я с уверенностью могу сказать, что у стоматолога он был сравнительно недавно и посещает его регулярно. Белые ровные зубы сверкают перед моим лицом, и я не могу не улыбнуться в ответ.

– А ты с характером, Ната. Мне нравится.

«*Это ненадолго*».

– Поухаживаешь, или лучше мне? – Я киваю на бутылку.

– Я сам, – говорит он и принимается наполнять бокалы.

– Так ты расскажешь, что за печальный опыт заставил тебя подарить сегодняшний вечер незнакомой девушке?

– Сначала выпьем.

Конечно, ему ведь нужно время, чтобы придумать правдоподобную сопливую историю, которая тронет меня до глубины души. А вот мне нужно напоить его до такой степени, чтобы член заснул раньше мозга. Короткий звон стекла тонет в приятной мелодии, звучащей из колонок, терпкий напиток стягивает щеки изнутри. Марк накаливает на зубочистку виноградину и подносит к моим губам.

– Кожура моя, – шутливо предупреждает он.

– Если ты хочешь таким невероятно тупым способом меня поцеловать, то придумай что-то еще.

– Ты просила поухаживать. Вот, я ухаживаю.

Каков наглец, еще и невинность профессионально из себя строит. Достойный противник. Приоткрываю рот, чтобы стянуть ягоду, Марк тихо усмехается и опускает голову, довольно правдоподобно изображая смущение. Так я и поверила. Прикладываю указательный палец, на кончике которого прилеплена виноградная кожура, к его нижней губе, чтобы продолжить дуэль, но он вдруг отклоняется.

– Я не ем с рук.

– Я никому не скажу.

Он поднимает на меня острый, как заточенная пика, взгляд, и я ненадолго теряюсь. Похоже, не шутит. Ладно, у всех есть свои тараканы. Мой брат, например, не выносит, когда кто-то таскает еду из его тарелки, а Дарина складывает носки и нижнее белье в отдельные вакуумные пакеты. Медленно убираю руку, точно опасаясь дикого зверя, Марк снимает кожуру с моего пальца и закидывает ее в рот. Пронесло. Нужно сбавить обороты и не забывать, что я расстроенная Наташа, а не пуленепробиваемая Диана.

– Сколько тебе лет? – спрашивает он, вернувшись в облик добродушного обольстителя.

– Двадцать пять.

– Выглядишь моложе.

– Ты тоже, – бросаю я и только потом понимаю, как глупо прокололась. – В смысле... ты тоже ответь на этот вопрос.

– Я немного старше, чем ты.

Ага, лет так на шесть. Совсем капельку.

– Да? А я думала, мы ровесники. – Хлопаю ресницами, прибегая к излюбленному приему всех пикаперов – безбожной лести.

– Возраст – всего лишь цифра.

Именно так говорят те, кто слишком сильно зависит от ее значения.

- Конечно, – киваю я и тянусь своим бокалом к его. – Ну, за знакомство?
- За хороший вечер, – дополняет тост Марк, блеснув лукавством в глазах.

Бутылка медленно пустеет, звучат лживые рассказы, а от кисточек винограда остаются одни ветки, напоминающие мышьиные скелеты. Как я и предполагала, история Марка похожа на сценарий отечественной мелодрамы. Детали запутаны, потому что выдуманы на ходу, но смысл прост – он как-то раз отпустил расстроенную девушку одну, и она попала в аварию. То ли машина, то ли байк, он так и не определился. Мне тоже приходится попробовать себя в роли сказочницы, и здесь на помощь приходит главное правило матерых обманщиков – лучшая ложь та, которая когда-то была правдой. Пересказываю Марку историю жизни Ксюши, с которой мы вместе учились в Финляндии, заменяя некоторые детали собственными переживаниями, чтобы не запутаться в фактах.

– Значит, ты закончила магистратуру за границей. Это объясняет, откуда у тебя такой необычный акцент.

- Сильно заметно?
- Немного, и это очень даже мило. Почему ты вернулась? Не впечатлили финны?
- Соскучилась по близким, – отвечаю полуправду и посыпаю ее пылью из вранья, – ну и... я должна была вроде как выйти замуж.
- Тот самый потерянный Андрей?
- Потерянный – хорошее определение, – огорченно вздыхаю и делаю крошечный глоток. – Ты когда-нибудь думал о свадьбе? Может быть, даже делал предложение руки и всего остального?

- Делал предложение другой части тела.
- И сколько бедняжек согласились?
- Все! – Он самодовольно салютует мне бокалом. – И вряд ли их можно считать бедняжками.

Вспоминаю заплаканное лицо Дарины и сжимаю зубы, скрывая за смущенной улыбкой злобный оскал.

- Поверю тебе на слово.

Марк склоняет голову, обжигая меня прямым взглядом:

- Я не против и доказать, если захочешь.

Еще пара стаканов, и, возможно, я сама буду рада проверить. Марк дьявольски горяч. Это может быть приятным бонусом к возвращению дорожущего кольца, а потом мы с Дариной напьемся и обсудим все детали, как и делали уже множество раз, только теперь наш сексуальный опыт будет общим. Ох, вряд ли бы мама меня похвалила, но в том, что я выросла такой, есть и ее заслуга. Именно она вложила мне в голову, что в этом мире нет никого и ничего более важного, чем я сама. И миру еще повезло, что я не выросла маньячкой и мое счастье не заключается в разделывании неугодных под аккомпанемент бензопилы.

Колено Марка касается моего бедра, расстояние между нами потрескивает от напряжения и притяжения. Может быть, это виски, усталость или моя интимная голодовка, но я уже с большим трудом держу перед собой ментальную картонную маску с дурацким именем Наташа. Марк гладит пальцами широкий подбородок, чуть тронутый короткой светлой щетиной. Мне нравятся его руки. Длинные ловкие пальцы, тату на запястьях...

- Пытаешься прочесть? – Он поворачивает ладонь так, чтобы я смогла разглядеть рисунок.
- Это надпись? – Я удивленно вглядываюсь в сложный орнамент, едва ли напоминающий буквы.
- Жизненное кредо.
- Давай угадаю... – хихикаю я. – Никогда не сдавайся?
- Мимо.

- Моя жизнь – мои правила?
- Я похож на идиота?
- Сдаюсь! – Откидываюсь на спинку дивана, поднимая руки. – И что там?
- Я берегу эту тайну для своей единственной.
- То есть никому не собираешься рассказывать?
- Именно! – усмехается он и снова тянется к бутылке.
- Значит, ты против брака? Почему?
- А ты почему хочешь выйти замуж?

Сложный вопрос для того, кто никогда об этом не мечтал, но у меня есть Дарина, которая три года пицчала в трубку о том, как это замечательно – завести семью.

– Потому что когда любишь человека и хочешь связать с ним жизнь, то...

– То тебе нужна бумажка с печатью для этого? Или тебе нужны надежные кандалы? – перебивает Марк, иронично дернув бровью.

– Ты *так* это видишь?! – спрашиваю пораженно, потому что он озвучил мои собственные суждения.

– А разве нет? Кто-то давным-давно романтизировал бытовое рабство, а теперь все чокнутые внесли это в свой вишлист. Никакое кольцо или штамп в паспорте не гарантируют ни верности, ни преданности, ничего. Все это не больше чем самообман, который еще и тебя самого загоняет в жесткие рамки. Конечно, есть люди, созданные для семьи, и для них все это в порядке вещей, но что делать остальным? Тем, кому достаточно просто себя и для кого наручники приемлемы только в постели.

Да! Черт возьми, да! С трудом сдерживаю радостный порыв от встречи с единомышленником и впервые за весь вечер чувствую к Марку обычную человеческую симпатию, а еще желание поковыряться в его голове чуточку дольше. Мне бы хотелось взглянуть на ситуацию с его стороны. Это не значит, что я предаю Дарину. Я помогу ей в любом случае, возможно, даже выясню нужные детали, чтобы быстрее добраться до кольца. Но, если быть честной, во главе всего стоит банальное любопытство. Как Марк себя оправдывает и оправдывает ли вообще?

– Ты когда-нибудь спал с замужними или помолвленными?

– Для меня все люди свободны, пока живы.

– Ты хотел сказать, что для тебя все девушки трахательны, если дышат?

– И если они не сопротивляются, – ничуть не смутившись, дополняет он.

– Мило, но это не ответ. Было или нет?

– Отвечу, если и ты скажешь.

– Я как-то встречалась с женатым полгода, – беспечно пожимаю плечами, но умалчиваю о том, что узнала об этом от его жены. Сразу после пощечины, которую она отвесила мне посреди торгового центра. Тогда-то мне и стало ясно, почему мы с ним сошлись. Я не требовала внимания двадцать четыре на семь, а он не заливал мне про счастливую семью и обязательства. Благодарь. Но больше к женатикам я не подхожу, слишком уж мне нравится мое лицо.

– Плохая девочка, – хищно улыбается Марк.

– Отвечай! – нетерпеливым тоном приказываю я.

– Было пару-тройку раз.

– Ты знал об их положении?

– Иногда.

– И что чувствовал? Наверняка твое эго было в восторге. *Они выбрали меня, я для них круче, чем их тупорылые женишки.*

– Эти встречи не отличались от всех остальных.

– То есть это не та самая фантазия, которая заставляет твой... – опускаю взгляд на его брюки, – работать в полную мощность?

– Ему не нужны допинги, – Марк понижает голос и заправляет выбившийся локон мне за ухо, скользнув кончиками пальцев по шее, – если девушка хороша.

Стук сердца ускоряется, жар приливает к щекам. С лестью у Рождественского тоже нет никаких проблем. И здесь так тесно. Хорошо бы выбраться на воздух, но мы еще не дошли до нужного этапа.

– Было ли такое, что женихи или мужья узнавали? – задаю следующий вопрос.

– Хочешь знать, получал ли я по роже?

– Или любой другой забавный случай.

– То, что ты находишь измену или избиение забавными, уже забавно.

– Меня не слишком волнует, что другие люди делают со своей жизнью, если это не касается меня лично.

Марк искривляет губы, опуская уголки, и качает подбородком. Кажется, ему понравился мой ответ.

– Морду мне били, конечно, но не за такое, – он задумчиво смотрит в сторону. – А из забавного: одна девушка недавно забыла у меня помолвочное кольцо.

Да, да. Я в курсе. Теперь нужно выведать, что он собирается с ним делать.

– Ты его вернул?

– Нет. С чего бы? Что упало, то пропало. Камень там гигантский, если заложу, смогу купить себе тачку.

Прикладываю холодный край бокала к губам. Все-таки он сволочь. Вопросов больше нет.

– Ты только что говорила, что тебя не касается жизнь других людей, а теперь мысленно меня осуждаешь.

– Одно дело спать с ними, а другое – намеренно рушить им жизнь.

– Знаешь, Ната... есть такая штука, она называется ответственность, и я не собираюсь брать ее за кого-то, кроме себя. Я никого не заставлял, не опаивал, не применял гипноз. Мне нравится секс и не нравятся эти долбанные серьезные отношения. Я этого не скрываю и частенько знакомлюсь с разными девушками, чтобы пообщаться и провести время, так же, как и с тобой сейчас. Если они меня привлекают и я вижу ответную реакцию, то перехожу к активным действиям, но только с их непосредственного согласия. Все! В чем проблема? В чем я не прав?

Да во всем прав, только это ничего не меняет. Мне нужно вернуть кольцо, и, похоже, пора переходить к активным действиям.

– Закажем еще бутылку, – предлагаю я.

Глава 2

POV Диана

Глаза слипаются, щеки сводит от широкой улыбки. Прохладный ночной ветер резким порывом подбрасывает вверх волосы, и я едва ли не наворачиваюсь со ступеньки, не устояв на высоких каблуках.

– Осторожнее, тигрица, – смеется Марк, схватив меня под руку. – Ты нужна мне живой.

– Разве в твоем списке извращений нет некрофилии? – хихикаю я, выпрямляясь.

– Пока еще нет, но если ты не перестанешь стебать меня, то все быстро может измениться.

Марк ведет меня в сторону парковки, все дальше от входа в клуб, в котором уже стало невыносимо душно. Последние пару часов пролетели, как один миг, градус в крови достиг максимальной отметки, и я могу честно признаться, что отлично провела время. Мы много шутили, флиртовали, обсуждали отношения и забавные моменты, связанные с бывшими. Марк, на самом деле, оказался классным парнем, и у нас с ним довольно много общего. Например, жесткая жизненная позиция, страстная любовь к спорам, основанным на фактах, и черному юмору. Мы могли бы стать друзьями, если бы он не трахнул мою подругу, конечно.

Глубоко вдыхаю, наслаждаясь свежим воздухом. Марк останавливается у тротуара, чуть покачнувшись, и достает телефон из кармана брюк, уставившись в экран мутным взглядом:

– Скажи адрес, куда тебя нужно отвезти. Вызову такси.

Недоуменно моргаю, мыслительный процесс немного тормозит. Я была уверена на все сто процентов, что Рождественский пригласит меня к себе. С чего бы ему снова включать благородного рыцаря?

– Эм-м-м... – тяну я, напрягая мозг. – На самом деле ехать мне некуда, я еще не успела снять квартиру. Сегодня я должна была остаться у Антона.

– У Антона? – переспрашивает Марк, нахмурившись.

– То есть у Андрея, – быстро исправляюсь я. – Дурацкое имя, все время путаю. Может быть, поэтому он и решил меня бросить?

Марк снова опускает голову, заглядывая в телефон, а я обнимаю себя за плечи, содрогнувшись от прикосновения ветра к открытой спине. Неловкая пауза затягивается, думать становится все сложнее. Наверное, напиваться так сильно до того, как я попала в дом Марка, было не лучшей идеей, но сдаваться нельзя.

– Я, конечно, могу поехать к подруге... правда, у нее муж и трое детей. Вряд ли они будут рады видеть меня в таком состоянии в половине четвертого утра.

– Ты напрашиваешься ко мне в гости?

Стыдливо морщусь нос, уловив веселье в его голосе, и расслабленно опускаю напряженные плечи:

– Ты сам сказал, что отвечаешь за меня сегодня. Держи слово, иначе я поставлю на тебе клеймо балабола до конца жизни.

– И ты не боишься?

– Кого? Тебя?! – громко смеюсь я. – Ты так пьян, что свалишься от одного щелбана.

– Значит, это и был твой план? Напоить меня, чтобы безопасно отжать половину кровати?

– Да!

– Расчетливо, – кивает он и тарабанит пальцами по экрану.

– Неужели до сегодняшнего вечера ты считал себя самым умным?

Марк убирает телефон в карман и поднимает руку, показывая отметку выше своей головы.

- Александр Пушной. – Он опускает ладонь чуть ниже. – Я... а потом уже все остальные.
- Ты себе льстишь.
- А ты чокнутая.
- Теперь ты льстишь мне.

Марк качает головой и прикрывает ладонью рот, широко зевая. Повторяю его жест. Кто бы знал, как сильно я хочу спать, но мне придется бодриться до последнего.

Через пару минут на обочине дороги останавливается машина с оранжевой шашкой, и Марк нетвердой походкой шагает к задней двери. Открывает ее и смазанно взмахивает рукой в приглашающем жесте. Да он в хлам, еле держится. Вот это я молодец! Подхожу ближе и забираюсь внутрь, сразу продвигаясь в глубь автомобильного салона. Марк садится рядом и закрывает дверь, приветствуя водителя. Машина снова выезжает на дорогу и быстро набирает скорость, а Рождественский отворачивается к боковому окну.

– У меня такое чувство, что ты чем-то расстроен, – тихо произношу я, коснувшись плечом его руки. – Так сильно не хочешь, чтобы я ехала к тебе?

- Я жалею о второй бутылке виски.
- Тебе плохо?
- Нет, плохо будет завтра.
- Вот и подумай об этом завтра.

Марк поворачивает голову, его губы на уровне моих глаз, и мне приходится приподнять подбородок, чтобы установить контакт.

– Я не признаю секс по пьяни, – тяжело вздыхает он, рассматривая мое лицо.

Упираюсь виском в его плечо и сдавленно хихикаю. Бедный мальчик расстроился, что сегодня ему ничего не обломится? Неужели Дарина вчера его не удовлетворила? Какая жалость. Так и хочется схватить его за щеку, немного потрепать, а потом предложить конфетку.

– Смешно тебе? – недовольно бурчит он.

– Очень! – Я снова смотрю ему в глаза, широко улыбаясь. – Мы можем попробовать, если хочешь, но предупреждаю: с чувствительностью в таком состоянии у меня беда.

Опускаю раскрытую ладонь ему на бедро и сжимаю пальцы, медленно поднимаясь выше.

– В этом и проблема. – Он накрывает мою руку своей, удерживая на месте. – Я же говорил, что люблю секс, и не просто для количества и галочки. Мне важно качество процесса.

– А я думала, весь смысл в оргазме.

– Не весь.

Отвожу взгляд, почувствовав легкий укол сожаления. Теперь и я расстроена, что у нас ничего не будет. Похоже, он точно знает, о чем говорит, а такие мужики на дороге не валяются.

– Если мы не умрем завтра, то шанс восполнить пробел еще представится, – лгу я, чтобы хоть одному из нас стало легче.

– Вряд ли, – хмыкает Марк. – Уже завтра твой Андрюша приползет на коленях, вы помиритесь, потом сыграете свадьбу. Через год, а может, и раньше, он тебе критически надоест, как в быту, так и в постели, и тебе даже нечего будет вспомнить, когда начнешь запирается в ванной комнате пару раз в неделю, чтобы от души помастурбировать.

– Звучит, как страшный сон.

– Для кого-то это обычная жизнь.

На языке вертится резкое заявление о том, что я никогда не выбрала бы такую жизнь, но осознание нечаянно сброшенной картонной маски с именем Наташа вовремя заставляет закрыть рот. Склоняю голову, Марк закидывает руку мне за спину и прижимает к себе. В его жесте нет сексуального подтекста, он скорее уютный и ни к чему не обязывающий, словно мы и правда старые добрые друзья. Закрываю глаза, окутанная теплом и тонким ароматом сандалового дерева, которым пропитана футболка Марка, и засыпаю быстрее, чем могу обдумать следующие шаги.

– Ната... – Слышу тихий голос в полудреме. – Наташа, мы приехали.

– М-м-м, – мычу я, не желая отрывать голову от подушки.

Почему она такая твердая? Надо заказать себе новую, иначе мой позвоночник совсем скоро станет похож на вопросительный знак.

– Наташа!

– Какая на хрен... – бормочу я, распахивая глаза, и прикусываю язык. – Мы уже на месте?

– Ага, – сонно кивает Марк, который, по всей видимости, тоже успел прикорнуть.

Вылезает из машины, он берет меня за руку и ведет к подъезду многоэтажки. Открывает дверь в тамбур, и я шурюю от яркого света, ощутив мерзкий треск в черепе.

– Потерпи еще немного, – говорит Марк, вызывая лифт.

– Когда-то тусовки до утра были веселыми.

– Когда-то я мог шесть раз за ночь, даже после бутылки текилы.

– Старость – не радость, – с искренним сочувствием произношу я.

– И не говори.

Поднявшись на девятый этаж, Марк с третьего раза попадает ключом в замочную скважину и наконец открывает дверь в узкую темную прихожую, тихо выругавшись.

– Теперь я понимаю, почему ты не признаешь пьяный секс.

– Ой, заткнись. Единственная поза, на которую ты сама сейчас способна, – это шавасана.

– Подкол засчитан.

Сбрасываю туфли и растопыриваю пальцы, сладко мыча. Марк кидает ключи на крошечную высокую тумбу в углу и уходит в дальнюю комнату, зажигая свет.

– В душ хочешь?! – кричит он.

Единственное, чего я хочу, так это узнать, где здесь кровать, но Рождественский должен уснуть раньше меня.

– Можешь пойти первым, – отвечаю я, заглядывая в спальню.

Мать божья! Рот невольно приоткрывается, и я безотрывно наблюдаю, как уже полуобнаженный Марк стягивает брюки, стоя на одной ноге и упираясь рукой в стену. На его груди с десятков небольших татуировок, парочка на ребрах и еще одна над коленом. Серые боксеры низко сидят на бедрах, показывая сухие мышцы пресса, а его икрами, кажется, можно дробить камни в пыль.

– Только не плачь, – иронично говорит он, швыряя брюки на напольную вешалку-штангу, где висит несколько комплектов одежды, и валится на кровать, откинув край белого одеяла.

– Пойду умоюсь, – тихо произношу я, прижимая колени друг к другу.

– Я отключусь за пять секунд. В ящике в ванной есть все, что нужно, но если будут проблемы, разбуди.

– Ага.

– Спокойной ночи, Ната, – бормочет он, укладываясь на живот, и обнимает подушку.

– Спокойной, Марк.

Отступаю, тихонько вздохнув. Жаль, что мы с ним познакомились при таких обстоятельствах, но у меня есть дело. Дружба превыше всего. Открываю дверь в комнату напротив, безошибочно находя ванную, и включаю верхний свет. В глаза мгновенно бросается зеркало над умывальником, и сердце со свистом падает на дно живота. Это совсем не то зеркало, которое я видела на фото. Оно было больше и с подсветкой наверху в виде круглых лампочек, а здесь всего лишь маленький прямоугольник в черной рамке. Кручу головой, осматриваясь: стопка чистых полотенец на стиральной машине, подставка с зубной щеткой и... все. Открываю ящик под раковиной: мыло, гель для душа, несколько запечатанных зубных щеток, электрическая бритва. Он недавно переехал, что ли? Отдвигаю второй ящик, он оказывается и вовсе пуст. Ничего не понимаю.

Жужжание мобильного в сумочке заставляет испуганно дернуться, но я быстро беру себя в руки и читаю сообщение. Наверное, Дарина проснулась от приступа икоты.

Дарина: «Ди, пожалуйста, скажи, что ты в порядке. Я не могу спать!»

Диана: «Посмотри на фото, которое прислал тебе Марк. Ты узнаешь на нем ванную комнату? Ты была в ней?»

Дарина: «Сложно сказать. Я не слишком хорошо запомнила интерьер»

Закатываю глаза, раздраженно цокнув языком. Конечно же, она не запомнила, после того, что я видела в спальне, у меня тоже случился микроинсульт. Делаю несколько быстрых фото и отправляю Дарине.

*Диана: «*вложение* А это ты узнаешь?»*

Дарина: «Кажется, да. Ты в его квартире?»

Диана: «Да, он спит. Плохие новости, дорогая, похоже, он здесь не живет, а только баб приводит. И если он сделал сегодня фото с кольцом где-то в другом месте, то тут его нет»

Дарина: «?#@&%!»*

Дарина: «Уходи оттуда!»

Диана: «Когда Паша возвращается из командировки? Сколько у нас времени?»

Дарина: «Ди, что бы ты ни задумала, не надо. Ты и так сделала больше, чем я могла бы просить. Вызывай такси и езжай ко мне. Плевать на этого урода, пусть подавится!»

Я пока еще ничего не придумала, слишком тяжелая голова, но точно смогу это сделать, хорошенько проспавшись. У нас с Марком два неоконченных дела, а значит, будет повод встретиться еще раз и уже на другой территории.

Диана: «Я проверю здесь все на всякий случай и сразу приеду. Не волнуйся и ложись спать»

Убираю телефон и приоткрываю дверь, напрягая слух. Из спальни доносится ровное шумное дыхание, путь чист. Небо за окнами светлеет, в квартиру сочится мягкое мерцание, и я начинаю тихий обыск, открывая все ящики и шкафчики, которые попадают на пути. Это определенно не дом Марка, здесь нет практически ничего, кроме необходимых мелочей и пары бутылок шампанского в холодильнике. Последней точкой в маршруте становится спальня, но и в этой комнате особо не разгуляешься. Из мебели только кровать да вешалка с одеждой. Искорка идеи озаряет разум, и я на цыпочках крадусь ближе. Опасливо поглядывая на спящего Марка, ныряю рукой в карман его брюк, затем во второй. В пальцах шелестит упаковка презервативов, и больше ничего. Это провал! Выхожу в прихожую, выключив за собой свет. Поднимаю с пола туфли и медленно поворачиваю защелку на двери.

«Что ж, Марк Рождественский, нам рано прощаться. Никто из нас еще не получил то, что хотел».

Почему-то эта мысль отпечатывается улыбкой на лице и отзывается приятным урчанием в груди. Толкаю тяжелую дверь и выхожу в коридор, чувствуя радостное воодушевление. Надеваю туфли у лифта и спускаюсь на первый этаж. Утренний туман блуждает между скамейками, расставленными вокруг детской площадки, и я сажусь на одну из них, вызывая такси. Даже не верится, что я снова дома, снова в этом городе. Открываю список чатов, сразу под именем Дарины висит еще одно сообщение, от которого в груди что-то неприятно зудит. Столько лет прошло.

«Я буду очень рад тебя видеть»

Слышится шорох колес, я поднимаюсь и направляюсь к подъехавшей машине. Открываю заднюю дверь и смотрю в розовое небо. Может быть, и правда представится шанс все исправить? А если нет, то я просто вернусь к своей обычной жизни. В конце концов, она полностью меня устраивает.

POV Марк

Если бы у меня было девять жизней, то я бы застрелился ровно девять раз. Прижимаю ладонь к горящему лицу, прячась от солнечного света, бьющего в окно, и даю себе пару минут, чтобы понять, где я. Приоткрываю один глаз и глубоко вдыхаю, морщась от головной боли и жжения в желудке. Квартира моя – хорошая новость. Я плохо помню, как ложился спать, – а вот это уже не очень, но в целом плевать.

Поднимаюсь с постели и смотрю на вторую половину: подушка нетронута, одеяло аккуратно расправлено. Тихо хмыкаю и босыми ногами шлепаю в ванную комнату. Прохладный душ дарит немного свежести, пара стаканов воды и таблетка аспирина помогают, наконец, прояснить мысли.

«*Можно просто Ната*», – вспоминаю милый голосок с забавным акцентом.

Вот же сучка, напоила меня и сбежала. Ну и черт с ней, было весело, и на том спасибо. Застегиваю часы на запястье и беру в руки телефон, на экране которого высвечивается несколько десятков уведомлений. Смахиваю их все, решив, что дела подождут до понедельника, и сегодня мне лучше оставаться официально мертвым. Набираю номер клининговой компании и поднимаю мобильный, держа его на небольшом расстоянии от уха.

– Служба быстрой уборки «Чистодел»! Добрый день, Марк! Чем можем помочь?

– Добрый, – бурчу я, зажмурившись от звона в ушах. – Мне как обычно.

– Конечно! Когда можем приступить?!

– Сегодня.

– Отлично! Отправим к вам мастера чистоты через час!

– Спасибо.

– Хорошего дня!

– И вам, – хмуро бросаю я и завершаю звонок.

Какими колесами они этих операторов кормят? Я бы тоже сожрал парочку. Вернувшись в спальню, натягиваю джинсы и свежую футболку и цепляюсь взглядом за проход в прихожую. Память подкидывает картинку из вчерашней ночи: миниатюрная девушка стоит в дверях, ее черное короткое платье открывает длинные ноги, светлые растрепанные волосы лежат на плече, а на лице жирная надпись – «хочу тебя». Странно, что она не осталась до утра, сигналы были отчетливые и недвусмысленные. Наверное, ей позвонил... Как там его? Антоша? Андрюша? Запускаю пальцы в волосы и убираю их со лба, прерывая размышления. Это не мои проблемы.

Телефонный звонок бьет по ушам, и я уже собираюсь отклонить вызов, но имя на экране не позволяет этого сделать.

– Доброе утро, Вьетнам! – орет Дима и заходится в диком хохоте.

Если бы мы не работали вместе, то я вырвал бы ему язык еще пару лет назад.

– Чего тебе? – шумно вздыхаю я.

– Когда тебя ждать?

– А что?

– Никто не бесил меня уже сутки, – язвительно отвечает он. – Я же говорил еще пару дней назад, что у нас сегодня вечером намечается небольшая семейная тусовка.

– И при чем здесь я?

– При том, что ты мой братан.

– Я тронут, конечно, но ты и сам знаешь, что все это...

– Значит, с малолетками тусить и студенток цеплять ты можешь, а провести время с другом, который...

– Не скули, – перебиваю я, точно зная, на сколько может затянуться его обиженный монолог. – Скоро приеду.

– Супер! Сможешь заскочить куда-нибудь по пути и привезти фруктов? Только никаких персиков!

– Ладно.

– Стой, не отключайся!

– Что еще?

Из динамика слышится шорох, а в следующую секунду меня чуть было не оглушает взрыв из битов и треска барабанной установки. Бью пальцем по красной кнопке и недовольно закатываю глаза. И почему я решил, что, сбежав из психушки, перестану встречать психов?

Дергаю за ручку двери, и она поддается без труда, открывая передо мной светлый и просторный холл. Действительно, зачем запирают дом, если он уже давно превратился в проходной двор для всех и каждого? Где-то в глубине играет музыка, из столовой доносятся приглушенные голоса. Снимаю кеды и убираю их в свой персональный шкаф для обуви, не забыв пихнуть ногой несколько пар мужских кроссовок, валяющихся у стены. Сколько еще раз мне нужно повторить этим кретинам, что их мамочки с нами не живут?

Сжимаю в руке пакет с фруктами и направляюсь на кухню, рассчитывая скрыться в своей комнате прежде, чем кто-то из ребят меня выцепит. Открываю стеклянную дверь, запах приправ и запеченного мяса ударяет в нос и пробуждает зверский аппетит, но это будоражащее ощущение длится недолго.

– Привет! – оборачивается Соня и крепче сжимает в руке огромный кухонный нож, лезвие которого усыпано мелкой крошкой укропа. – Ты все-таки приехал?

Какой тонкий намек на то, что она очень бы этого не хотела, но я прекрасно понимаю, что все ее слова и действия – ложь и провокация.

– Я живу здесь, если ты забыла. И к слову, куда дольше, чем ты.

Соня поджимает губы и возвращается к измельчению зелени, а я опускаю пакеты на небольшой стол перед двухкамерным холодильником. На серых металлических дверцах развешаны полароидные фотографии, сделанные Мышью четыре года назад на новогодней тусовке. Задерживаю внимание на одном из кадров, где Дима и Рома сидят у меня на коленях, нацепив красные колпаки. Отличное было время, первый год нашей музыкальной общаги, в которую мы превратили этот дом, никаких постоянных баб и разговоров о правильном питании.

– Марк, может, нам уже стоит поговорить? – спрашивает Соня.

– Давай лучше с Димой, он это больше любит, – отмахиваюсь я, шагая к двери, чтобы убраться отсюда как можно скорее.

– Ты так и будешь вести себя, как козел?

– Пока ты ведешь себя, как чокнутая сталкерша, – да.

Покидаю кухню и, минуя широкую арку, что ведет в столовую, наконец добираюсь до лестницы в маленькой гостиной. Правда, успеваю подняться лишь на середину пролета, оставшись незамеченным.

– Руки вверх! – раздается за спиной веселый голос.

– Дим, я купил фрукты. Они на кухне. Отвали.

Слышу громкий топот и ускорю шаг, но он ловит меня за плечо в коридоре второго этажа и разворачивает к себе лицом. Его глаза округляются, улыбка тянется от уха до уха.

– Выглядишь, как комок шерсти, сблеванная котом, – смеется он.

– А ты, как пожеванная бабкой жвачка, которую она нашла под автобусным сиденьем.

– Эу, – кривится Дима. – Ты победил.

– Супер, а теперь иди на хрен.

– Мышь искал тебя.

– Вся работа завтра.

– Ты что, бухал? – он трет пальцами нос.

– Да, Дима. Я бухал. Еще вопросы есть?

– Спустишься к ужину?

– Нет.

– Но я хочу тебя с ней познакомить, – обиженно говорит он.

– И ты не боишься, что я и ей под юбку залезу? – Бросаю козырь в надежде, что Диме больше нечем будет крыть, но на его лице появляется то самое выражение родительского умиления, которое бесит меня больше всего.

Он хлопает меня по плечу и шагает назад к лестнице, бросая коротко:

– Ужин в семь!

Сжимаю пальцами переносицу и распахиваю дверь в свою комнату. Подхожу к высоким окнам и задергиваю блэкаут-шторы, оставляя солнечный свет снаружи. Падаю на кровать, закрывая глаза, и собираюсь проспать до завтрашнего утра, но в голове все крутятся слова Димы.

«Семейная тусовка».

«При том, что ты мой братан».

«Я хочу тебя с ней познакомить».

Переворачиваюсь на живот и обнимаю подушку, прижимаясь к прохладной ткани щекой. Ничего не знаю. Мне нужен хороший сон.

Без четверти семь я спускаюсь на первый этаж под грохот последнего сингла, который мы выпустили две недели назад, и прижимаю ладонь к урчащему от голода животу. Втягиваю носом сладкий аромат теплого медово-горчичного соуса и стискиваю зубы. Дима – собака ушлая, сразу двоичку пробил: и разбудил, и аппетит подзадорил. Друг выходит из столовой и самодовольно поправляет растопыренными пальцами русую косую челку.

– Кого я вижу?!

– Выруби музыку.

– О нет! Мы тебя разбудили?! – Он прикладывает ладонь к щеке. – Мне так жаль!

– Выруби!

Дима достает телефон из заднего кармана джинсов, тычет пальцем в экран, и стены дома, наконец-то, перестают дрожать.

– Я честно верил, что, когда тебе стукнет тридцать, ты повзрослеешь, но, видимо, не судьба, – качаю я головой.

– Кто бы говорил. Как там твои студенточки?

– Прекрасно. Пить еще не научились, трахаться тоже, но я делаю все, что могу.

– Тебе бы медаль.

– Не откажусь.

Мы с Димой одновременно усмехаемся, и я оглядываюсь на входную дверь:

– Ну и где твоя гостья?

– Ты хотел спросить, когда мы сядем за стол?

– Да!

– Она должна быть уже поблизости. Как я выгляжу?

Дима одергивает край белой футболки, расправляет плечи и тянется вверх, задирая нос.

– Как обычно. Ты так дергаешься, будто невесту ждешь, а не сестру.

– Мы давно не виделись, так что... я и правда немного нервничаю. Хочется встретить ее как пола-гається.

– Сколько ей? Пятнадцать?

– К твоему сожалению, нет. Десяточку накинь.

Пытаюсь вспомнить, что еще Дима рассказывал о своей сестре, но выходит не очень. Мы редко обсуждаем личное, большую часть разговоров занимает работа. В моей голове младшей

сестре Димы меньше двадцати, она гимнастка или балерина, что-то вроде того, и живет она фиг пойми где. А может, и нет. Может, речь тогда шла о сестре Мыши или о его брате?

Громкий звон проносится под потолком, Дима чуть ли не подпрыгивает, бросаясь к двери, а я медленно шагаю следом, засунув руки в карманы спортивных штанов.

– Ну привет! – кричит Дима, втягивая в дом невысокую девушку, одетую в серый спортивный костюм, который она явно сняла с бегемота. – Боже милостивый, ты с каждым разом все меньше и меньше!

– Это не повод душить меня, – хрипит она, хлопая его по спине.

– А забивать на своих родных – достаточный повод?

– Может быть...

Из-за плеча Димы и козырька кепки я не могу разглядеть ее лица, вижу только густые светло-русые волосы, собранные в хвост на затылке.

– Прости. Я не хотел снова это начинать. Проехали, ладно? – тараторит Дима, отступая, и сжимает руку сестры в своей, разворачиваясь ко мне. – Диана, познакомься, это мой лучший друг, сосед и деловой партнер...

– Привет, Марк, – улыбается она, перебивая брата, и поднимает голову.

Одна ее бровь изогнута в удивлении, в глазах чистый восторг, а я не знаю, что думать.

– Привет, – медленно отзываюсь я.

– Вы что, знакомы? – изумленно спрашивает Дима.

– Ага, – кивает моя вчерашняя Наташа и сегодняшняя Диана. – Мы провели чудесную ночь вместе.

Дима переводит на меня взгляд, глупо вытаращившись:

– Правда?!

– О да, – хихикает Диана. – Было очень... очень... весело.

– Ди, ты опять за свое? – Он легонько толкает ее локтем. – Хватит мне голову дурить!

– Ты мне не веришь?

– Если хочешь, то верю, – отмахивается Дима. – Идемте лучше есть. Соня сегодня пре-взошла себя.

– Отличная мысль. Я умираю с голоду! – Диана стягивает с ног кроссовки и шагает следом за Димой к столовой.

Обхватываю ладонью заднюю часть шеи, и, как идиот, смотрю на ее обувь, пытаюсь собрать детали пазла, но ни одна из них не подходит к другой.

– Марк! – зовет Диана. – Ты идешь?!

Поворачиваю голову, она выглядывает из столовой, сияя широкой улыбкой. Меня что, развели? Поверить не могу. И главный вопрос... На хрена?!

Глава 3

POV Диана

Если Бог есть, то он сегодня точно на моей стороне. Рождественский медленно убирает руку с шеи и опускает татуированную кисть. Как только я заметила эти темные узоры, сразу поняла, кто именно стоит за спиной брата. Везение максимального уровня! Так только в сказках бывает! Пару часов назад я обдумывала, где бы мне еще разок поймать Марка, а он буквально сам прыгнул в руки.

– К столу! – кричит Дима, но я все не могу оторваться от пронзительного взгляда светлых глаз.

Марк прищуривается и шагает вперед, угрожающе надвигаясь. Его ленивая злость волнует, сердце стучит быстрее, и я отскакиваю в сторону, поворачиваясь лицом к накрытому столу. В конце концов, я здесь не ради него, Рождественский – всего лишь неожиданный и приятный бонус, а первоочередное на повестке дня – разрешение семейной драмы. Дима обхватывает спинку стула, пальцы беспокойные, рот напряжен. Он волнуется, и я тоже. Мы слишком много всего наговорили друг другу, слишком тяжел груз взаимных претензий, но ведь Дима сам меня пригласил, узнав, что я прилетаю.

Замечаю еще одного присутствующего: миловидная девушка ставит в центр мясной рулет, присыпанный травами, и застенчиво мне улыбается. Ее щеки и скулы покрыты темными рубцами тяжелого подросткового периода, из-под короткого рукава оранжевой футболки выглядывают темно-синие хвостики татуировки. Занятно.

– Привет! – Она сдувает со лба густую прямую челку, окрашенную в темно-каштановый цвет. – Добро пожаловать!

– Привет. Спасибо. – Я искоса смотрю на брата, ожидая представления.

– Ди, познакомься – это Соня, – оживает он. – Соня, а это моя младшая сестра – Диана.

– Рада знакомству, – вежливо киваю я и обхожу стол, ощутив горячее покалывание между лопаток.

«Да, Марк. Я тебя чувствую, но ты пока вне игры. Меня интересует другое». Скользю взглядом по тарелкам и пиалам: пюре с жареным луком, рулетики из баклажанов, салат из свежей моркови и плавленого сыра.

– Все так аппетитно выглядит! Обалдеть! Это ведь мои любимые блюда! Соня, ты повар?

– Нет, – тихо смеется она, выдвигая стул. – Но я люблю готовить. Когда Дима сказал, что к нам в гости приедет его сестра, я быстро включилась.

К нам в гости? Еще интереснее.

– Как мило. Диме повезло с...

– ...с Соней, – язвительно продолжает фразу брат, давая понять, что статус их отношений пока еще не достиг желанной ему отметки.

Снимаю кепку и занимаю стул у торца вытянутого овального стола. Соня оказывается от меня по правую руку, Дима – по левую, а напротив... садится Рождественский, рядом с которым остается еще одно свободное место.

– Дима много рассказывал о тебе, и я тоже очень рада наконец-то познакомиться, – щебечет Соня.

Сдержанно улыбаюсь, вспоминая особенности наших с братом отношений, и тянусь к салату:

– Боюсь представить, что именно он обо мне рассказывал.

– Только правду, – хлестко говорит Дима, но быстро меняет тон на радушный. – Кому и чего начислить? Вино, коньяк?

– Сок! – в один голос отвечаем мы с Марком.

Желудок болезненно сжимается, пульсация в висках и легкая тошнота напоминают о прошлой ночи. В чуть припухших глазах Рождественского появляется тихое понимание. Думаю, утром нам было одинаково плохо.

– Ладно, детки. Сок так сок.

Еда переключивается с общих блюд на тарелки, стучат столовые приборы. Вечернее солнце пробивается сквозь высокие окна и блестит в натертых бокалах, а легкая беседа струится точно живой весенний ручей, только вот одна ледяная глыба никак не хочет таять. Марк молчит, набивая желудок, и лишь изредка надменно дергает уголками губ, всем видом показывая, как ему скучно. А где же тот развязный весельчак, с которым я познакомилась вчера? Харизма и очарование спрятаны за толстым слоем отрешенности, но я все еще интуитивно чувствую их. Неужто эти козыри он использует только для съема? А может быть, это обида? Расстроился, что я его кинула?

– Марк, – обращаюсь к нему, прижимая прохладный бокал к щеке, – ты не любишь гостей?

– Он никого не любит, – Дима весело взмахивает вилкой, – но мы пытаемся это исправить.

– Как это никого? – хихикает Соня. – А он сам? Нет любви сильнее и искреннее, чем любовь Марка Рождественского к самому себе.

– Хорошо же вы меня знаете, – ядовито ухмыляется Марк. – А что насчет тебя, Диана? Я слышал, ты не была дома несколько лет. Не скучала по родным?

Дима заметно подбирается, Соня опускает голову и принимается собирать со стола использованные салфетки. Впиваюсь взглядом в Марка. Он что, бросает мне вызов?

– Скучать на расстоянии удобнее. Ты об этом не знал?

– Какое идиотское оправдание.

– А где твоя семья?

– Брейк! – громко объявляет Дима. – Ди, лучше скажи, на сколько ты приехала? Отгуляешь св...

– Еще не решила, – обрываю брата, не позволяя ему выболтать то, что Рождественскому знать пока не следует, и киваю на свободное место за столом. – А для кого эти приборы? Мы кого-то ждем?

– Мышь должен был к нам присоединиться, но он свинтил куда-то еще днем.

– Мышь? – удивленно переспрашиваю я.

– Коля Мышанов, – объясняет Дима. – Мы с ним в универе учились, помнишь? Он еще фисташки трескал, как заведенный.

Отвожу взгляд, потому что озарений как не было, так и нет, а осуждение в глазах брата раздражает.

– Кто бы сомневался, – тихо хмыкает он. – Сейчас он известен как Ник Мышелов. Один из наших музыкальных проектов.

Киваю пару раз, словно действительно понимаю, о чем идет речь, и Дима хмурится.

– Ты как будто не в соседней стране жила, а на другой планете. У нас своя музыкальная студия, лейбл.

– Да, да... что-то такое припоминаю.

Дима шумно вздыхает и запивает разочарование, а я размазываю по тарелке остатки картофельного пюре. Неловкая тишина выползает из теней в углах комнаты, и я жалею, что решилась принять приглашение на ужин. Дима всегда будет винить меня, и я ничего не могу с этим сделать. Да и не слишком уж хочу, мне тоже есть за что его винить.

– Я чувствую запах еды! – раздается крик из холла, и через пару секунд в столовой появляется высокий худощавый парень, грубые черты лица которого кажутся мне знакомыми. – Вот это пир! Соня, выходи за меня!

– Ни за что, – качает она головой, и я замечаю, что смотрит она не на вновь прибывшего, а на Марка. И в ее взгляде есть что-то... печаль, мольба? Ух ты! Становится все веселее и веселее.

– Тогда мне придется заесть свое горе и... – продолжает болтать парень, плюхаясь на свободный стул, и останавливает внимание на мне, замолкая. – О! А кто это у нас здесь?! Принцесса, неужели ты?!

Губы растягиваются в широкой улыбке, потому что я действительно узнаю его.

– Николай, – киваю я. – Мое почтение.

– Вот это да, Ди! Какой красоткой ты выросла! И как я рад тебя видеть! Ну давай, рассказывай. Как живешь? Скольких мужей похоронила?

– Я пока еще работаю над этим.

– Мне их уже жаль. А я теперь звезда, прикинь? Слышала мой новый трек?

– К сожалению...

– Ничего, – отмахивается Коля. – Еще успеешь. Знаешь, сколько мы над ним работали? Сейчас я тебе все расскажу, закачаешься...

Коля становится настоящим спасителем. Он поет и ест, и болтать одновременно, посвящая меня во все веселые детали создания музыки и имени артиста. Увлеченно слушаю, не стесняясь в реакциях, Дима расслабляется и даже гордо задирает нос, увидев мой искренний интерес. Парни на самом деле большие молодцы, даже этот дом со студией в подвале заслуживает отдельной похвалы. Они пробились, смогли не только выстрелить, но и выстоять. Дима занимается финансами и маркетингом, Марк отвечает за продюсирование и техническую сторону проектов, а Коля рабочая творческая лошадка. В их команде еще несколько человек, но эта тройка стоит у истоков.

– А потом Марк послал их к черту, и мы решили открыть свою студию, – бубнит Коля, дожевывая мясной рулет. – Круто, да?

– Круто! – восхищенно соглашаюсь я.

Марк молча потягивает сок с таким видом, будто речь идет о кругах на полях, в которые он не верит, и я поворачиваю голову, глядя в горящие глаза брата.

– Это очень круто, Дим. Просто невероятно.

– Спасибо, – с теплотой отвечает он.

Сердце тоскливо сжимается, протягиваю руку и касаюсь ладони брата, легонько стискивая его пальцы. Это не извинения, но мне действительно жаль, что между нами все сложилось вот так. Его голос из динамика телефона гремит за задворках памяти: *«Эгоистичная сука! Тебе хоть до кого-то есть дело, кроме тебя самой?!»*

Прочищаю горло и растерянно смотрю по сторонам:

– Где здесь туалет?

– В маленькой гостиной, – отвечает Соня, но быстро сообразив, что в доме я еще не ориентируюсь, рисует более точный маршрут: – Из холла налево и сразу за лестницей.

Выхожу из-за стола и следую намеченному пути, разглядывая в вечернем полумраке интерьер дома. Без изысков, но со вкусом. Мягкие ковры на полу, картины современных художников, музыкальные пластинки на стенах и полках, легкие занавески на окнах, выходящих во внутренний двор. Парни постарались сделать это место действительно уютным. Может быть, не кровная, но рядом с Димкой есть семья, и я за него искренне рада.

Оставшись наедине с собой в крошечной уборной, долго мою руки, глядя, как теплая вода стекает по коже, и размышляя. Если Марк живет здесь, то это значит, что кольцо Дарины может быть в шаговой доступности, – это плюс. Правда, Рождественский, узнав о вчерашнем

спектакле, не сильно рад меня видеть – это минус, но и с ним можно будет поработать, а заодно и с братом отношения наладить, если получится. И вот уже минус превращается в жирный плюс!

Вытираю руки белым махровым полотенцем и собираюсь быстро вернуться за стол, но натываюсь на темную фигуру, сидящую на диване в гостиной. Рассеянные оранжевые лучи скользят по полу и стенам, но лицо Марка скрывает тень. Он медленно поднимается, а я остаю навливаюсь у подножия лестницы, ничуть не страшась хищника.

– Значит... Диана?

– Всегда мечтала быть Наташей, – игриво пожимаю плечами.

– Ты знала, что я...

– Тайный любовник моего брата?

– Его партнер, – недовольно поправляет Марк, но его дрогнувшие в короткой улыбке губы дают понять, что чувство юмора, которое так понравилось мне вчера, на месте.

– Нет, не знала. Еще сегодня утром я думала, что мы больше никогда не увидимся.

– Верится с трудом.

– Почему? Ты ведь тоже не узнал во мне сестру своего... – Прижимаю кулак к губам, соблазн продолжить эту забавную игру в дразнилки слишком велик. Марк кривится, но я точно знаю, его это все веселит не меньше, чем меня. – В общем-то мы с братом не слишком близки, чтобы я следила за его... кхм... личной жизнью.

– К чему тогда было фальшивое имя?

– Люблю поиграть.

– Вчера ты была другой, – задумчиво говорит он.

– Неужели Наташа нравилась тебе больше?

Он приподнимает брови и отводит взгляд. Ответа все нет, и это настораживает.

– Сильно злишься? – я добавляю в голос побольше смущенного раскаяния от Наташи.

– Вообще не злюсь. Прекрати притворяться, это больше ни к чему.

– Ты и сам кажешься сегодня другим. Один-один, Марк.

Он гортанно усмехается, и этот звук приятной дрожью стекает по груди и животу. Масок больше нет, но игра продолжается. Мне нужно вернуть кольцо. Поднимаю руку и провожу кончиками пальцев по гладкой коже чуть выше локтя Марка, запрокидываю голову и подаюсь вперед, глядя ему в глаза:

– Мы могли бы познакомиться заново. Как тебе идея?

– А что скажет жених?

– Его больше нет.

Расстояние между нашими лицами все сокращается, теплое дыхание ласкает губы, а на внутренней стороне бедер просыпаются горячие искорки, от которых слабеют ноги. Ого! А на трезвую голову его присутствие ощущается куда ярче.

– И не было? – спрашивает Марк, ныряя ладонью под мою толстовку, и обхватывает талию.

Какой же глубокий у него голос, пробирает до самых костей. Большой палец поглаживает мой напряженный живот, никаких границ приличия. Хорошо, что за столом мы сидели достаточно далеко. Я крепче сжимаю пальцы на его руке, отчаянно борясь с помутневшим рассудком:

– А есть разница?

Марк наклоняется и проводит носом по моей щеке, подбираясь к уху. Опускаю веки и вслушиваюсь в сексуальный шепот, от которого волосы на затылке встают дыбом:

– Вчера был чудесный вечер, а сегодня... – Он замолкает, и я задерживаю дыхание, усмиряя подступающее ликование от того, как просто и быстро все может решиться. – Мне это больше не интересно.

Удар сердца заставляет распахнуть глаза. Марк шагает в сторону, забирая с собой горячее притяжение. Хватаюсь за поручень, не в силах пошевелиться. Что он сказал? Не интересно? Это как?

– Рад был познакомиться, Диана, – насмешливо бросает Марк, поднимаясь по ступеням.

– Взаимно, – ровным тоном отвечаю я, глядя, как последний луч солнца тонет в вечерней темноте.

Со второго этажа доносится хлопок двери, и я встряхиваю головой, стараясь избавиться от оцепенения. Он отшил меня? Взял и отшил?! Медленной поступью возвращаюсь в столовую, и, как только оказываюсь на пороге, все сидящие за столом замолкают.

– Меня обсуждали? – спрашиваю я, занимая свое место.

– Нет! – Соня прячет взгляд, чем сдает себя с потрохами.

– Не тебя, а твою сексуальную задницу, – Коля сжимает в зубах зубочистку.

– Я тронута до глубины души.

Тишина звенит в пустоте молчания. Дима и Соня переглядываются, а Коля поднимается из-за стола, поглаживая живот.

– Спасибо за ужин, – обращается он к Соне. – Если что, мое предложение о замужестве еще в силе.

– Тоже уходишь? – хлопает глазами Дима.

– Попробую добить второй куплет, пока есть силы.

Соня встает и принимается складывать пустые тарелки в стопку. Кажется, меня выгоняют.

– Помощь нужна? – предлагаю я с вынужденной вежливостью.

– Нет, что ты! Гости не моют посуду!

Соня выходит из комнаты, Коля, подмигнув мне, тоже скрывается за аркой, а Дима откидывается на спинку стула и сцепляет руки на затылке, глядя в потолок.

– Может, подышим? – предлагаю я.

– Я думал, ты тоже сбежишь.

– Думал или надеялся?

– Ди... – вздыхает он, и в шуме его дыхания я чувствую угрозу серьезного разговора.

– Дим, давай не будем, – резко обрываю я.

– Ладно, идем подышим.

Брат шагает к стеклянной двери, скрывающейся в углу, и распахивает ее, выпуская меня на деревянную узкую террасу. У дальней стены стоят четыре садовых кресла и небольшой квадратный стол. Ветер качает ветви деревьев, покрытых молодой листвой, тонкий серп месяца мягко светится посреди темного неба, усыпанного тусклым сиянием звезд.

– Ты уже виделась с мамой? – приглушенно спрашивает Дима.

– Еще нет.

– Можем съездить к ней вместе.

– Запишемся на парный прием? – устало усмехаюсь я.

– Наверное, придется. Такого в ее практике точно еще не было.

Он поворачивает голову, и мы долго смотрим друг на друга, не произнося ни слова, потому что правильных нет, а все неправильные уже были сказаны. Брат вдруг обнимает меня, притягивая к груди, и я опускаю голову на его плечо.

– Я рад тебя видеть. Правда.

– А я рада, что у тебя такая классная жизнь.

– Ди...

– Просто скажи – спасибо.

– Спасибо, сестренка, – отвечает Дима, прижимаясь щекой к моей макушке.

Глубоко вдыхаю аромат его кожи, который отдаленно напоминает о детстве. Стоим в щемящем сердце молчания еще несколько минут, и медленно, но так безболезненно на моих губах расцветает улыбка от осознания: у нас уже достаточно опыта, чтобы идти дальше глупых детских обид. По крайней мере, мы можем попытаться сделать этот шаг.

– Дим...

– М-м?

– А здесь найдется еще одна свободная комната?

– Ты серьезно? – он недоверчиво прищуривается, отстранившись.

– Более чем.

Дима косится на горящие окна первого этажа, за которыми, вероятнее всего, Соня сейчас моет посуду:

– Если это из-за...

– Она в него влюблена? – задаю вопрос наперерез.

Он проводит зубами по верхней губе. Всегда так делает, когда не хочет говорить правду.

– Там все... сложно. Ты правда знакома с Марком?

– Есть грешок. А тебе правда нравится Соня?

– Да. – В его голосе слышится неприкрытая печаль.

Задумчиво киваю и обвожу взглядом задний двор. Парочка круглых фонариков у забора освещают небольшую калитку, под раскидистым орехом стоит массивный железный мангал. А здесь здорово.

– Ди, насчет Марка... он...

– Ты меня приютишь или нет? – впиваюсь в него серьезным взглядом, не нуждаясь в предостережениях.

– Конечно, – сдается Дима. – В дальнем крыле есть комната, она небольшая, и в ней нет ванной...

– Класс! Поеду за вещами!

– Почему мне кажется, что я об этом еще пожалею?

– Перекрестись! – подмигиваю Диме и, коротко чмокнув его в щеку, возвращаюсь в дом.

POV Марк

– Я сказал «нет»! – произношу твердо, с укором глядя на то, как Мышь растекается по стулу в утреннем припадке.

– Ну почему-у-у? – скулит он. – Все уже готово! Я готов!

– Никаких стартов без прогрева!

– Согласен с Марком, – кивает Дима, поднимая со стола планшет. – Последние продажи ниже прогнозируемых на двадцать процентов.

– Продажи, продажи... – бубнит Мышь. – Вы только о бабках и думаете.

– Ты живешь на эти бабки! – выкрикиваем с Димой хором.

Рома и Вова переглядываются, сдерживая тихие смешки, и я угрюмо смотрю сначала на одного, а потом на второго. Выгибаю брови, оставляя вопрос неозвученным, но они и так прекрасно понимают, о чем я хочу спросить.

– Мы пока в кризисе, – понуро говорит Рома.

– Мы в жопе, – дополняет Вова.

Потираю пальцами глаза, стараясь избавиться от сонливости, и сбавляю обороты:

– Я набросал кое-что вчера...

– Доброе утро! – звучит за спиной бодрый и звонкий голос.

Нотки акцента вцепляются в горло, точно колючки кактуса, и я оборачиваюсь, все еще надеясь, что у меня просто крыша поехала из-за утреннего непростительно цветного сна, в котором... Да быть не может! Серьезно?!

Диана перекидывает спутанные светлые волосы за спину и шагает сквозь арку в столовую, оглядывая сидящих за столом парней. На ней только огромная серая футболка, под тонкой тканью которой виднеются очертания аккуратной груди, и белые низкие носки. С трудом отрываюсь от разглядывания ее обнаженных ног и поднимаю голову, но Диана нарочно игнорирует мое присутствие.

– Что это с вами? Нужно ответить *«и тебе доброе утро, прекрасная незнакомка»*, – смеется она и подходит к Диме.

– Я был уверен, что ты не встанешь раньше двенадцати. – Он поджимает губы, сдерживая улыбку. – Кхм... ребята, это моя младшая сестра – Диана. Она поживет тут какое-то время.

– Приве-е-ет! – с нешуточным впечатлением тянет Рома.

– Димон, а у тебя только одна сестра? – спрашивает Вова.

– К счастью, да, – усмехается Дима. – Ди, у нас тут утренняя летучка... не могла бы ты...

– Я помешала?! Как неловко, простите!

Переигрывает.

– Ничего страшного.

– Ты можешь и с нами посидеть.

Я им сейчас башни пооткручиваю, честное слово. Как будто девок полуголых ни разу не видели. Прижимаю пальцы к пульсирующей межбровной складке и вздыхаю:

– Парни, а вы дрончить с утра не пробовали? Говорят, помогает мозги прочистить.

– То-то у тебя такие руки накачанные, – парирует Диана.

Поднимаю на нее взгляд, и она весело щурится, наморщив нос. Какого черта?! Хочет, чтобы я вытащил ее из комнаты и научил хорошим манерам? Ни фига. Пусть пыжится, сколько влезет, я не поведусь. Думает, она первая, кого я послал? Думает, я не видел этих концертов раньше? Беззвучно фыркаю и бью пальцем по планшету. Никакая цыпа, даже самая хорошенькая, не сможет отвлечь меня от работы.

– Дим, можно мне кофе? – ласково просит Диана.

– Кофемашина на кухне.

- Но я не умею ею пользоваться, а Сони нигде нет.
- Давай я помогу! – вызывается Мышь.
- Мы работаем! – отрезаю я, не отрывая глаз от таблицы.
- Лад-но, – безэмоционально отвечает Диана. – Прогуляюсь до кафе.

В комнату врывается свежий ветер, и я смотрю на дверь, которая выходит на задний двор. Диана уже заносит ногу, чтобы переступить порог, но Дима догоняет сестру и останавливает, положив руку на плечо:

- У нас во дворе нет кафе.
- Я в курсе. Оно есть через улицу, и так ближе всего.
- А ты ничего не забыла?
- Тоже хочешь кофе? Какой?

Дима опускает голову, Диана повторяет за ним и смотрит на свои голые ноги.

– А-а-а... – хмурится она и поднимает руку ладонью вверх. – Давай мне свои шорты и тапки.

- Ди...
- Дима, не начинай! Я вернусь и сразу отдам. Тебе что, жалко?
- Там холодно.
- Нормально.
- Ди...
- Дима!

С любопытством наблюдаю за спором двух близких родственников. Диана почти в полтора раза меньше брата, но говорит и смотрит так, словно у нее под футболкой базука. Прижимаю пальцы к губам, чтобы они не жили своей жизнью и не смели улыбаться, и продолжаю делать вид, что очень занят. Слышится страдальческий вздох, шорох одежды, и когда я снова смотрю вперед, то вижу только исчезающую спину мелкой террористки и идиота-друга, стоящего в трусах рядом со столом.

– Ни слова, – мрачно произносит он, опускаясь на стул.

– Не почку отжала, и то хорошо, – смеется Мышь.

– Я у тебя сейчас мозг отожду, – рычу я. – На этой неделе будешь снимать ролики с блогерами! Дим...

– Да, я приглашу к нам несколько знакомых ребят. Может, еще кого-то подыщу.

– Отлично, – киваю я и поворачиваюсь к дуэту «Сочь». – А теперь вы...

Время за обсуждением планов на неделю летит почти незаметно. Парни наконец включаются в рабочий процесс, но их настрой сдувает утренний ветер, который приносит с собой Диана, вновь появляясь в столовой. Она опускает на середину стола бумажный пакет и вытаскивает несколько подставок с картонными стаканами.

– В качестве извинений за неудобства, – говорит она, расставляя кофе перед каждым из присутствующих. – Любимому старшенькому – латте на банановом молоке, Николаю – капучино с фисташковым сиропом. Вам, двое из ларца, капучино на кокосовом молоке с ирландским кремом, а тебе... недовольный хмурый мальчик, американо с корицей и двумя ложками сливок.

Диана наклоняется рядом со мной, чтобы поставить стакан, ее волосы касаются руки. Стискиваю зубы и не произношу ни слова. Я не любитель прилюдной порки.

– Ну вот и все! Не смею больше вас тревожить. Хотя нет...

Она опирается о мое плечо и стаскивает шорты, поднимая сначала одну ногу, а затем вторую. Швыряет их через стол точно Диме в руки и, прихватив свой кофе, выходит из комнаты. Шея горит в желании оглянуться, но я смотрю Диме в глаза, всем видом показывая, что ему стоило обсудить со мной нового жильца.

– Вкуснятина! – блаженно причмокивает Мышь. – Дим, чего ты ее раньше к нам не поселил? Красавица, умница и...

«И я ее выпорю. Достану наручники, пристегну к постели и буду лупить, пока солнце не сядет», – проносится в мыслях в сопровождении такой яркой картинкой, что я обжигаю язык, сделав первый глоток бодрящего напитка.

Сука! Это все из-за нее!

– Ребят, спускайтесь в студию, мы с Марком подойдем чуть позже, – весело лопочет Дима, снисходительно глядя мне в глаза.

Тяжело вздыхаю, потому что точно знаю, к чему он клонит. Его второе имя – серьезные разговоры. Парни поднимаются с мест, Мышь хлопает меня по спине в знак сочувствия. Остаемся в комнате одни, Дима неторопливо и с нескрываемым удовольствием потягивает кофе.

– Марк, не хочешь объяснить, что за прилив серьезности? Наши утренние летучки никогда не отличались от посиделок в баре, а сегодня...

– На что ты намекаешь?

– А то ты сам не понимаешь. Ди негде жить, она не сделала тебе ничего плохого, даже кофе принесла. Откуда столько бычки?

– Ты мог бы обсудить ее переезд со мной, прежде чем...

– Этот дом такой же мой, как и твой, – строго перебивает он.

– Да, но не я притащил сюда двух баб за последние полгода, – отвечаю ему в тон. – А что дальше? Ко мне в комнату кого-нибудь поселишь?

– Тебя бесит сам факт наличия девушек или их отношение к твоей персоне?

– Меня бесит... – Замолкаю и провожу ладонью по лицу, размазывая раздражение. – Плевать! Хочешь, чтобы она жила здесь? Пусть живет. Но я не обязан относиться к ней по-особенному. Она твоя сестра, а не моя.

– Верно. Она моя сестра, и я...

– Ну что? – злобно усмехаюсь. – Сейчас скажешь, что-то вроде... Обидишь ее, и я тебя в асфальт закатаю?

Дима заливается громким смехом и со стуком ставит стакан на стол.

– Марк, да она от тебя даже костей не оставит, если захочет!

Его заявление вызывает вспышку гнева, держу себя в руках из последних сил. Что он несет? Я, конечно, все понимаю, он видит в ней только самое лучшее, но это полнейший бред. Ей со мной не тягаться.

Дима встает и обходит стол, останавливается рядом и опускает ладонь на мое плечо:

– Ты мой братан, Марк, поэтому я должен предупредить... не рассчитывай на что-то серьезное, ладно? Творец с разбитым сердцем лучше работает, но нам не нужен новый сопливый альбом.

– Ты стебешься? Забыл, с кем говоришь?

– Нет, – широко улыбается он. – Просто я хорошо знаю свою сестру. И я вижу, как ты на нее реагируешь.

– Купи очки!

– Пойду-ка я лучше Соню поищу. Не удивлюсь, если Ди ее в шкафу заперла, чтобы не мешала, – все так же беспечно бросает Дима и уходит.

Сижу неподвижно несколько секунд, пальцы напряженно сжимают стакан с кофе, оставляя на картонных боках вмятины. Разбитое сердце? Я что, похож на восьмиклассника? Выпускаю весь воздух из легких, прикрывая глаза. Чуть! Миллион раз чуть! Поднимаюсь, отталкивая стул, и выхожу из столовой. Слышу звук включенного телевизора из маленькой гостиной и поворачиваю голову. Значит, она решила поиграть со мной? Развлечься? Что ж, тогда играем, я не против.

Вхожу в гостиную, Диана сидит на диване, подтянув колени к груди. Задранная футболка открывает гладкое бедро, а если встать напротив, то можно увидеть вообще все. Бесстыжая.

– Спасибо за кофе, – произношу я, приближаясь.

– Пожалуйста. – Она увлеченно смотрит в телевизор, на экране которого показывают глупое утреннее шоу.

Опускаюсь на диван, Диана вытягивает ноги, невесомо касаясь ступнями пола. Край футболки заканчивается у самой границы приличия, и я скольжу взглядом по мягким бедрам, которые перетекают в острые колени, тонкие икры и изящные щиколотки.

– Нравится? – спрашивает Диана.

– Да, – безэмоционально отвечаю я. – У тебя красивые ноги.

– Все это говорят. Скажи мне то, чего я еще не слышала.

– Прикройся!

Поднимаю голову, Диана улыбается и перекидывает ногу через мое бедро, оттягивая нижний край футболки и прижимая его к дивану. Тяжесть почти не ощущается, а вот близость... кровь закипает, дыхание обжигает горло.

– Я заставляю тебя нервничать? Кажется, ты не рад, что мы теперь соседи.

Нет, сучка бесстыжая, так не пойдет. Наклоняюсь к лицу Дианы, ее ресницы завороченно подрагивают. Медленно поднимаю руку и провожу костяшками по ее груди, опуская взгляд. Под светло-серой тканью появляется заметный бугорок. Теперь мы на равных.

– Ди... – шумно вздыхаю я, и она замирает. – Дима говорит, что...

Она крепче сжимает край футболки, чуть подаваясь вперед. Вновь нахожу ее глаза, зрачки расширены. От нее пахнет сладким кофе и зубной пастой. Предвкушение разливается по телу горячим сиропом, и я напрягаю пальцы на ногах. Соперница хороша, но я не уступлю.

– Он говорит, что я его братан. – Опускаю ладонь на ее колено и сжимаю его. – А в моем списке извращений... инцеста нет.

Сбрасываю стройную ногу с бедра и поднимаюсь. Шум крови стоит в ушах, но я уже давно научился справляться с гормонами. Диана смотрит на меня снизу вверх непоколебимо и уверенно. Приподнимает уголки губ и хватает стакан с кофе, который стоит на подлокотнике.

– Хорошего дня, Марк, – бросает она, возвращая внимание телевизору. – Увидимся!

Качаю головой. Да что с ней не так? Ненормальная. Черт! И это заводит еще больше!

– Лучше сдайся сейчас, – предупреждаю я.

– Боишься?

– Тебя?!

– Себя, – хмыкает Диана. – Тебе стоит поискать белые трусы для флага. Ты уже проиграл.

– Не зли меня...

– А то что? – Она смело вскидывает подбородок. – Что ты мне сделаешь, Марк?

Я едва сдерживаюсь, чтобы не схватить ее за горло и... впиться озлобленным поцелуем в губы, которые так надменно улыбаются мне.

– Сдавайся, – шепчет она, игриво дернув бровями. – Тебе понравится.

Я и не сомневаюсь, а еще точно знаю, что ей тоже все понравится, да вот только... мне это не нужно! Я уже вышел из того возраста, когда член выступает в роли стрелки компаса и задает направление. Расслабленно выдыхаю и опускаю голову, разворачиваюсь и шагаю к лестнице.

– Обещай, что будешь думать обо мне! – кричит она мне в спину. – И не делай воду слишком холодной, иначе заболеешь!

Сука, самая натуральная! Это уже дело принципа. Я не дам ей то, чего она хочет.

Глава 4

POV Диана

Подставляю лицо солнечным лучам, сидя в плетеном кресле посреди заднего двора, и слушаю нервное бормотание Дарины из динамика телефона.

– Ди, плевать на этого козла. Я уже смирилась с участью, возвращайся. Соберем вещи, заложим мои серьги и уедем к морю. Или нет, к океану!

– Ты, конечно, красотка, но я еще не настолько отчаялась, чтобы делить с тобой медовый месяц.

– Ди-и-и...

– Спокойно. У нас еще есть время до возвращения Паши. Я верну твоё кольцо.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя последней стервой, которая подкладывает подругу под мужика, чтобы спасти свою задницу.

– Вообще-то так и есть.

– Ди!

– Да расслабься, Дарин. Я не против. Лучше сходи в салон, проверь список гостей, закажи еще один расклад по звездам, а я тут разберусь.

– Ты смеешься надо мной?

– Я твоя подруга и имею на это полное право.

– Мне стало бы гораздо легче, если бы ты меня уже отругала, – понуро произносит она.

– За что это?

– Ты знаешь за что.

– Уверена?

– Угу...

– Ладно, если уж просишь. Дарина, ты идиотка, которая не смогла справиться с гормонами и раздвинула ноги перед первым встречным. А твой жених – кретин, решивший, что бабки могут заменить женщине хороший секс. Ты виновата, и тебе придется жить с этим, Паша тоже не ангел, и его участь не сильно отличается от твоей. А теперь ответь мне на один вопрос... ты все еще хочешь выйти за него замуж?

После короткой заминки слышится тихое:

– Да.

– Значит, выйдешь, – подвожу итог я. – Легче стало?

– Ни капли.

– Тогда я еще кое-что тебе скажу...

– Не уверена, что хочу это слышать.

– А придется, Дарин. Счастье – это то, что ты сама выбираешь. Не позволяй никому судить тебя, отложи раскаяние до смертного одра и просто живи.

– Как же я тебя люблю, – с облегчением выдыхает она.

– И я тебя, – отвечаю с улыбкой. – Увидимся на выходных, хорошо?

– Да. Держи меня в курсе.

– Конечно.

Завершаю звонок и опускаю руку с телефоном на живот. Ветер качает зеленую листву на ветвях высокого дерева, солнечные лучи просачиваются сквозь молодую крону. Вдыхаю полной грудью теплый вечерний воздух и закрываю глаза. Некоторые люди просто не умеют быть счастливыми, выдумывая для себя тысячу и одну причину «почему не сейчас». Вот закончу

университет, и тогда... Куплю новое платье, и тогда... Выйду замуж, и тогда... Их счастье стоит на паузе, а пульт у них в руках. И все, что нужно, – всего лишь нажать на кнопку.

Сладко потягиваюсь, разминая спину, мысли пощипывают виски. Марк, Марк, Марк... А он оказался куда интереснее, чем я думала. Принципиальный до чертиков. Сколько раз за последние три дня он уходил от меня со стояком – не сосчитать, но эффекта все же ноль. Пора менять тактику. Кольцо должно быть здесь, в его спальне, и если я не могу попасть туда, как его девушка, то остается всего два пути: попроситься в гости по-дружески или... влезть тайно. Дружба – неплохой вариант, но долгий, а вот кража – рискованно, зато быстро. Мне нужен ключ либо от сердца Марка, либо от его комнаты. Займемся обоими и посмотрим, какой удастся получить первым.

Поднимаюсь с кресла и вхожу в дом через столовую. Тишина окутывает мягким облаком, наверняка парни снова заперлись в студии, но кроме них здесь живет еще один любопытный персонаж. Открываю стеклянную дверь, за небольшим столом на кухне над тарелкой супа сидит Соня. Она останавливает видео, стукнув пальцем по экрану мобильного на деревянной подставке, и дружелюбно улыбается, но я вижу куда больше, чем она думает. Я ей не нравлюсь, и именно это нам предстоит исправить.

– Привет, Соня! – Направляюсь к холодильнику и заглядываю внутрь. – Ты сегодня дома?

– Привет! Да, у меня два выходных.

– А кем ты работаешь?

– Товаровед.

– М-м-м... прикольно.

Хватаю питьевой йогурт и сажусь за стол напротив Сони. Она едва слышно откашливается и зачерпывает суп ложкой, опуская взгляд:

– Дима говорил, ты работаешь в банке.

– Так и есть. Сейчас я в отпуске.

– Понятно.

Соня доедает свой ужин, а я неторопливо пью йогурт, разглядывая ее. Маникюр без покрытия, футболка без бренда, дешевая бижутерия: цепочка из белого металла и серьги-гвоздики. Одним словом – простая девчонка. Но что же она делает здесь, в доме, где живут восходящие звезды? Дима никогда не отличался сердобольностью, не приносил домой бездомных котят и не кормил белок в парке. Последняя девушка, фотки с которой он бесперебойно постил в соцсетях, выглядела, как супермодель. Соня, что же в тебе такого особенного?

– Есть планы на вечер? – спрашиваю я и облизываю пробку с остатками йогурта.

– Эм-м-м... я думала прибраться и запустить стирку...

– Они тебе платят?

– Что? – оскорбленно выдыхает она. – Нет. Я просто...

– Предлагаю устроить девичник. Если парни хотят, чтобы в их доме было чисто, пусть нанимают уборщицу. Ты сказала, у тебя выходной. Вот и отдохни.

– Но я тоже здесь живу. И мне не трудно...

– Белое или красное? – задаю я следующий вопрос, открывая приложение доставки в телефоне.

– Но...

– Я возьму на себя всех злых мачех этого замка, – весело подмигиваю Соне, – а Золушку забираю в плен.

Соня расслабленно смеется и качает головой. А она милая, я бы даже сказала – уютная. Есть в ней что-то такое теплое и умиротворяющее. Может, именно этим она и зацепила Диму? Но ведь хочет она совсем не его.

– Белое, – отвечает Соня и относит тарелку в раковину. – Но стирку я все-таки запущу.

Столовая наполнена звонким девичьим смехом и тихой старой музыкой из динамиков телефона. Одна бутылка вина уже пуста, во второй осталось чуть больше половины. Посреди стола стоит тарелка с сыром и бутербродами, которые мы с Соней сварганили на скорую руку. Рассказываю очередную историю из жизни в Финляндии, а Соня с интересом слушает, задавая все больше и больше уточняющих вопросов и не стесняясь в восхищениях.

– Обалдеть! Как ты все это пережила?! – вскрикивает она, резко поднимая бокал. Несколько капель падает на деревянную столешницу, и Соня тут же стирает их салфеткой. Ну точно Золушка.

– Хозяйка квартиры в суд так и не подала, но еще полгода мне пришлось переводить ей деньги за испорченный ремонт. Кажется, я спала тогда всего по три часа в день.

– Ужас! А та компания?

– Шарахались от меня до конца учебы. Думаю, никто из них не хотел еще раз увидеть меня в гневе.

– Да я и сама тебя побаиваюсь.

– Не стоит. Ты еще не сделала мне ничего плохого.

– Звучит не очень обнадеживающе, – хихикает Соня и отпивает вина. – Но вообще ты крутая. Я бы никогда не решилась уехать в другую страну, еще и в одиночку.

– Это не так страшно, как кажется.

Мой взгляд улетает в пустоту. Вспоминаю полумрак в родительской квартире, тишина звенит в ушах вместе с моим тихим плачем. Встряхиваю головой и делаю пару глотков из бокала, опускаю его на стол и смотрю на краснощекую Соню. Ее прямая челка растрепалась, пьяный взгляд блуждает по тарелке с сыром, а на губах отпечаталась веселая улыбка. Готова! Я сажусь в непринужденную позу: подтягиваю ногу к груди и упираюсь пяткой в мягкое сиденье стула, чтобы не навевать ощущение допроса.

– Соня, сколько тебе лет?

– Двадцать семь.

– Оу! А так и не скажешь. Я думала, тебе двадцать три или около того. В твоём роду были ведьмы? Поделишься секретом?

Она печально шмыгает носом и тянется за бутылкой, чтобы наполнить бокалы.

– Если в моем роду и были ведьмы, то я об этом никогда не узнаю. Я выросла в детском доме.

Молча киваю, и Соня беспорядочно машет руками.

– Диан, только не нужно извиняться или жалеть меня, ладно?

Да я и не собиралась вообще-то. Подхватываю пальцами кусок сыра и закидываю его в рот.

– Когда я была маленькой, то частенько мечтала сбежать в детский дом.

– Правда? – удивленно спрашивает Соня.

– Ага. Дима разве не рассказывал тебе о нашей семейной драме?

– Он... хм-м-м... – мнетя она.

– Значит, рассказывал, – ухмыляюсь я, все больше убеждаясь, что Соня не на шутку зацепила брата.

– Я никому...

– Неважно, все это в прошлом. Мы выросли и можем спокойно жить дальше.

– Дима очень рад, что ты приехала, – в ее голосе лишь теплота и нежность. – Он сожалеет...

– Не надо. Не выгораживай его, это ни к чему.

– Но он на самом деле хороший парень и очень помог мне.

– Да? И как же?

– Разрешил пожить здесь, – Соня обводит рукой комнату. – Я даже не... не знаю, как его благодарить.

– Выходи за него замуж!

Соня изумленно округляет глаза и тяжело сглатывает. Напряжение сковывает ее плечи, и она крепче обхватывает ножку бокала.

– Шутка, Сонь. Расслабься. Я знаю, что мужчина, который тебе нравится, это не Дима.

Она опускает голову, сгорбившись, и водит пальцами по столу.

– Не бойся, – произношу вкрадчиво, – я не собираюсь сдавать тебя. Хотя вряд ли для кого-то здесь это такая уж тайна.

– Все немного сложнее.

– Простота для слабаков. Вы с Марком уже встречались, верно? Когда были моложе. Давно?

– Мы выросли вместе, – почти шепотом говорит она. – И мы не совсем встречались, но...

– ...были семьей, – заканчиваю я, прикрывая глаза.

Значит, маленькая и милая тайна этого дома почти разгадана. Соня с детства влюблена в Марка, он ее бросил, но она все равно нашла его и пробралась в дом, охмунив Диму. Неплохо. Даже очень.

– Диана, ты... – со смущенной осторожностью заговаривает Соня.

– Я не задержусь здесь надолго, но ничего не стану обещать, – опережаю ее просьбу. –

Это не в моих правилах.

– Понимаю, – вздыхает она.

– Это не значит, что мы должны воевать с тобой.

Соня поднимает голову и недоверчиво прищуривается:

– Как это возможно?

– Соперники – не всегда враги. Спортивный интерес не обязан основываться на ненависти.

– Любовь – не спорт.

– А кто говорит о любви?

Соня прижимает ладонь ко лбу, приподнимая челку, и удивленно дергает бровями.

– Ты, конечно, классная, но о-о-очень странная.

– Обычно меня называют по-другому, – улыбаюсь я. – Хочешь услышать еще одну историю? Только не говори Диме, что я тебе рассказала.

– Конечно! – радостно отзывается она.

– Однажды я пришла домой и услышала странный звук из родительской спальни, похожий на стук каблуков. Я подкралась к двери и заглянула в щель. Димка сделал из подушек куклу, натянул на нее платье, колготки и привязал к ним туфли. И он танцевал с этой куклой, бормоча какую-то сахарную ересь про ее несуществующие глаза.

Соня жмурится и покатывается со смеху, а я пародирую голос брата:

– О, моя милая... я готов смотреть на тебя вечно...

– Какой ужас! – смеется Соня. – Сколько ему было?

– Лет двенадцать, наверное. Он влюбился в героиню какого-то мультфильма, а после того, как я его застукала, рассказал, что собирается ее оживить.

– И как? У него получилось?

– О-о-о... мы целую неделю искали жабу, чтобы вырезать у нее сердце для ритуала. Увлечлись так, что свалились в реку и пришли домой с тиной во всех возможных местах. Мама тогда наказала нас на целый месяц, и Дима заявил, что больше ни за что и ни в кого не влюбится.

Смех стихает. Соня за пару глотков допивает вино, и я наливаю еще.

– Диана, твой брат...

– Я тебя ни к чему не подталкиваю, – смотрю ей в глаза, с трудом удерживая потяжелевшие веки.

– Мне не кажется, что он серьезен. А если у нас ничего не выйдет, то...

– ...то ты не сможешь больше оставаться рядом с Марком. Логично, но ты никогда не узнаешь, насколько права или нет, пока не попробуешь.

– Спасибо за совет.

– Это не он. Я не раздаю советов, просто говорю то, что думаю. Решать все равно тебе.

– Расскажешь еще что-нибудь? – Она подпирает щеку кулаком.

– Позорное про моего брата? Да запросто! Для чего еще нужны младшие сестры?

Выуживаю из памяти забавные воспоминания, погружаясь в путешествие по детству, и громко смеюсь, но Соню мне не переплюнуть. Она уже почти спит, опустив голову на сложенные руки, но каждый раз заливается смехом так, что дрожат стены. Вино допито, сыр съеден, но мы не спешим расходиться хотя бы потому, что вряд ли самостоятельно сможем подняться по лестнице.

– Что у вас здесь происходит?!

Не без труда перевожу взгляд на арочный проем, брат с ужасом оценивает обстановку.

– Привет, старшенький, – напевом отвечаю я. – Как дела?

– Еще минуту назад думал, что нормально. Ди, ты что, ее напоила? – он кивает на дремлющую Соню.

– Не благодари.

Я с усилием отталкиваюсь от стола, чтобы встать, и замечаю в проходе еще один крупный силуэт. Зажмуриваюсь и открываю глаза, но видение не уходит. Марк стоит, привалившись плечом к стене, и смотрит на меня.

– И тебе привет, хмурый мальчик, – хихикаю я и разворачиваюсь, направляясь к двери на террасу. – Отнесите Золушку в спальню, а я пока проветрюсь.

– Ди, не ходи никуда! – кричит мне вслед Дима.

– Пока-пока-а-а, – тяну я, перебирая в воздухе пальцами.

POV Марк

– Ма-а-арк! – взвинчено вопит Дима.

– Не, не, братан. Это твои головняки, не мои, – отвечаю я, наблюдая, как Диана только со второго раза открывает дверь на террасу.

Вот идиотка. Снова за кофе собралась?

– Дима? – слышится слабый голос Сони.

Она поднимает голову и заливается пьяным смехом, предпринимая несколько безуспешных попыток встать. Дима обхватывает ее предплечье и придерживает за спину, помогая выпрямиться.

– Дима-а-а... – Соня хлопает его по груди. – Потанцуешь со мной?

– Конечно, солнце. Все, что захочешь.

– А как долго ты готов смотреть в мои глаза? Может быть, вечно?

– Диана, блин... я же ее просил... – тихо ругается он. – Марк, пожалуйста, присмотри за Ди, пока я не вернусь.

– Твоя сестра отлично умеет пить. Все с ней будет нормально.

– Не будь задницей! – строго произносит Дима и бросает на меня гневный взгляд, прижимая к себе едва стоящую на ногах Соню. – Если она сейчас попретса гулять, а она может, я буду искать ее до утра. А если найду по частям? Она, когда пьяная, совсем без тормозов! Полезет сейчас яблоки воровать или соседского добермана гладить!

Недовольно цокаю и пересекаю комнату, искоса поглядывая на две пустые бутылки. Кажется, кому-то было очень весело. Хорошо, что не текилу пили, иначе бы мы их с крыши снимали. Соня, если переберет с крепким алкоголем, всегда вспоминает о детской мечте – стать Человеком-пауком.

Выхожу на задний двор, кожа от ночной прохлады покрывается мурашками. Вижу Диану в плетеном кресле под деревом и немного успокаиваюсь. По крайней мере не придется за ней через заборы скакать. Останавливаюсь рядом, одна рука Дианы лежит у нее на глазах, вторая расслабленно свисает и касается травы кончиками пальцев. Привыкаю к полумраку, рассеянный свет фонарей проясняет женственный образ.

– Прислали следить за мной? – Диана растягивает губы в слабой улыбке.

– От тебя слишком много проблем, – вздыхаю я, засовывая руки в карманы спортивных штанов. – Что интересного выведала у Сони?

Диана убирает руку от лица и пронзает меня затуманенным алкоголем и весельем взглядом:

– Как же ты себя любишь. О чем могут говорить две одинокие и голодные девушки? Конечно, о Марке Рождественском! Других секс-символов в мире нет.

Поджимаю губы и смотрю на дом. В окне на втором этаже, где находится комната Сони, свет все еще не горит. Если Дима решил именно сегодня официально признаться ей, оставив меня нянькой для своей стервы-сестры, то я придушу его раньше, чем он сможет насладиться победой.

– Ты спал с ней?

Опускаю голову, Диана потягивается, прикрывая ладонью зевающий рот. Широкая футболка облегает грудь, и я скольжу взглядом по телу к ногам, обтянутым бежевыми короткими «велосипедками». В них смысла не больше, чем в первых треках Мыши.

– С Соней, – дополняет вопрос она, так и не дождавшись ответа.

– Это не твое дело.

– О-о-о... значит, ты был у нее первым. А может, и она у тебя? Это так мило.

– Что ты несешь?

– Тату, – усмехается Диана, смазано взмахнув рукой. – Одинаковые узоры. У тебя над локтем, а у нее на плече. Такое делают только по молодости и от большой любви.

– Ты вообще меня слышишь? Сама с собой разговариваешь?

– А чего ты так завелся, Марк? Я ведь тебя не стыжу, наоборот... говорю, что все это очень даже романтично. За что ты с ней так? Мог бы проявить немного нежности в память о...

Она не успевает закончить, потому что я рывком бросаюсь вперед и нависаю над ней, с силой сжимая подлокотники кресла.

– Отнесешь меня в спальню? – Диана медленно моргает, даже не дернувшись, и обхватывает руками мою шею. – Я сама не дойду.

Электрический ток бежит вниз по позвоночнику от прикосновения холодных пальцев.

– Пожалуйста, – просит она очаровательно ласково. – Меня могут заклевать вороны, если останусь здесь до утра. А еще я замерзла.

Да ну? А по моим ощущениям, я только что приблизился к солнцу, которое безжалостно жжет кожу.

– Отнесу, но в обмен на одну просьбу.

– Не приставать к тебе по дороге?

– С этим я справлюсь. Не лезь к Соне и не втягивай ее...

– Говоришь, как настоящий старший брат, Марк. Так трогательно.

Сухость в горле перехватывает дыхание. Да как она?.. Какого черта?! Самой умной себя возомнила?! Собираюсь уже было отстраниться, но Диана обнимает меня крепче и прижимается губами к уху:

– Я выполню твою просьбу. Сонечка не пострадает, но если и ты выполнишь мою.

Она пытается меня спровоцировать, вывести на эмоциональные откровения. Не на того напала. Молча поднимаю Диану на руки, а она прижимается к моей груди и подтягивает ноги, сжимая бедрами талию. Вот же ловкачка!

– Не тяжело? Сможешь унести?

– Лучше тебе помалкивать.

Диана опускает голову на мое плечо и сладко шепчет:

– Слушаюсь и повинуюсь.

Жар ее тела впитывается в кровь, заставляя забыть о прохладе ночи. Шагаю ко входу в дом, не чувствуя ни тяжести, ни дискомфорта. Выключаю свет в столовой и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Добираюсь до крайней двери и вхожу в спальню, оставляя дверь в коридор открытой, чтобы не убиться в темноте. Диана прижимается ко мне теснее и сладко шепчет:

– В постель.

– Командовать ты научилась явно раньше, чем просить.

– Кнут и... – она кусает меня за шею и тут же перекрывает острые ощущения нежным поцелуем, – ...пря-я-яник.

Стискаю зубы, борясь с желанием не просто уложить ее в кровать, а прыгнуть вместе, чтобы выдолбить всю дурь из этой мелкой невыносимой сучки. Нет! Не будет этого! Упираюсь коленями в мягкий край матраса, Диана напрягает бедра, крепче сцепляя ступни у меня за спиной, и проводит ладонями по груди, глядя в глаза. Сдерживаться с каждой секундой все труднее, но я трезв, а значит, хоть один из нас может вести себя разумно. И я стараюсь, очень стараюсь. Диана сжимает ткань моей футболки в кулаке и тянет на себя, заставляя опереться на руки, расположив их по обе стороны от ее головы. Дыхание тяжелеет, нос забивает запах ее волос вперемешку с вином. Я бы кончил секунд за тридцать, учитывая, как долго уже длится наша прелюдия. Проворные руки забираются под мою футболку и ощупывают скованные мышцы живота.

– Сколько я должна за поездку?

– Первая и единственная бесплатно, – глухо отвечаю я.

– Какая щедрость. – Диана проводит ногтями по моей пояснице, гладит ягодицы и ныряет в карманы штанов. – А что у нас тут?

Не успеваю опомниться, как она отползает к изголовью кровати, подтягивая колени к груди, и раскручивает связку ключей на пальце, хитро улыбаясь. Провожу ладонью по лицу и поднимаюсь, вытягивая руку.

– Верни.

– Верну, если скажешь, от чего они. – Она показывает мне один из ключей. – Вот этот, например?

Тяжело вздыхаю и принимаю решение смиренно выполнить глупые требования пьяной головы. Если не давать эмоциональной реакции, то ей надоест и она отвяжется.

– Этот от квартиры.

– А этот?

– От входной двери.

– А-а-а... вот этот? – она демонстрирует мне последний.

– От моей комнаты.

– А где же ключ от твоего сердца? Где ты его прячешь, Марк? В трусах?

Тихо усмехаюсь, потирая пальцами лоб, а вот Диана заливается беззастенчивым смехом. Ну хоть понимает, что чушь несет. Шуршит постельное белье, она укладывается посередине, опуская голову на две подушки.

– Последняя просьба, Марк. И я тебя отпущу.

– Слушаю очень внимательно, – с неприкрытой иронией говорю я.

– Возьми в верхнем ящике комода мой снотворный набор, принеси и можешь быть свободен.

– Ладно, – цежу я и направляюсь к окну, у которого стоит небольшой деревянный комод. Открываю ящик и невольно округляю глаза:

– Ты решила продемонстрировать мне все разнообразие своего нижнего белья? Что-то не вижу здесь белых.

– Они на мне, но надела я их не для тебя, – смело отвечает Диана. – Смотри левее.

И я смотрю, но лучше бы не делал этого. В прозрачном чехле лежит вакуумный вибратор вместе с бутылочкой лубриканта.

– Нашел?

– Ага, – напряженно произношу я, потому что фантазия уже шарашит на максимум.

– Прихвати еще наушники и салфетки.

Собираю все озвученное и возвращаюсь к кровати. Диана протягивает мне ключи и мило хлопает ресницами:

– Не буду предлагать тебе остаться, все равно ведь откажешься.

Вот же соблазнительница чертова. Еще и издевается? Этот откровенный приемчик сломал бы многих, но не меня. Нависаю над Дианой, сохраняя молчание, чтобы помучить ее подольше. В ее глазах сияет азарт и предвкушение. Размечталась!

– Помнится, ты говорила, что по пьяни у тебя проблемы с...

– Вибраторы не устают, – дерзко перебивает она.

Да и у меня сейчас сил хоть отбавляй. И я могу доказать, но она ведь только этого и ждет. Опускаю «снотворный набор» рядом с Дианой и забираю ключи, разворачиваюсь и широким шагом направляюсь к двери, правда, не могу выйти, так и не спросив. Это сильнее меня.

– Какую музыку ты любишь?

– Никакую, – в ее голосе веселье резонирует с возбуждением.

– Тогда зачем наушники?

– Я слушаю АСМР-порно ². Мне нравится эффект мужского присутствия. И нравится, когда мужчина не молчит в процессе.

Приоткрываю рот и глотаю сухой воздух, что царапает горло. Как же я ее ненавижу.

– Спокойной ночи, Марк, – пропевает Диана, и я закрываю за собой дверь.

Мышцы на ногах немеют, пальцы сводит. Хотел бы я посмотреть на то, как она... Нет! Ну какого черта?! Пошла вон из моей головы вместе со своим «снотворным набором»! Подхожу к своей спальне, но не успеваю вставить ключ в замочную скважину, потому что в другом конце коридора появляется взъерошенный Дима. Он медленно поднимает голову и встречается со мной взглядом.

– Свершилось? – тихо спрашиваю я.

– Нет, но... кажется, лед тронулся.

– Рад за тебя.

– А где Ди?

– У себя.

– Спасибо, – с облегчением говорит он и смотрит на мои штаны. – Ох, бедняга.

– Иди на хрен! – рычу я, нервно открывая замок.

– Может, лучше пропустим по стаканчику? Такими темпами ты себе ладони в кровь сотрешь.

– А может, лучше я лицо тебе в кровь сотру?

– Как же сильно ты ее хочешь, – смеется Дима.

– А это нормально, что ты так о сестре говоришь?

– Я же о тебе с ней, а не о себе. И это правда, у нее не должно быть оттенков.

– Вы действительно родственники. – Закатываю глаза и проворачиваю ключ в обратном направлении. – Идем выпьем.

Спускаемся с Димой на кухню. Я достаю два стакана, а он бутылку виски из верхнего шкафа. Садимся за стол друг против друга и молча делаем по паре глотков.

– Соня сказала, что я ей нравлюсь, – объявляет Дима.

– Поздравляю.

– Но любит она...

– Даже не начинай.

– Марк, вам нужно поговорить, чтобы она тебя отпустила. И ты ее то...

– Я тебя сейчас вырублю.

– Ладно, – кивает он и наливает нам по еще одной порции. – Не хочешь говорить о Соне, давай поговорим о Ди.

– Я вообще не хочу...

– Отвечу на любой твой вопрос. – Дима призывно сверкает взглядом. – На любой.

– У меня он всего один. – Опрокидываю в себя терпкий напиток и со стуком ставлю стакан на стол. – Она всегда была такая охреневшая?

– Всегда, но не со всеми, – тепло улыбается Дима.

– И кому повезло?

– Отцу, – с налетом изморози отвечает друг. – Ди в нем души не чаяла, пока он был жив. Единственный по-настоящему близкий для нее человек.

– А ты?

– А я не самый внимательный старший брат, который хочет исправиться, но знает, что уже поздно.

² АСМР-порно (от англ. Autonomous Sensory Meridian Response – «автономная сенсорная реакция меридиана») – звуковая дорожка, запускающая механизм выделения нейрого르몬ов без реальных прикосновений. – *Прим. ред.*

Глава 5

POV Диана

Прижимаю мягкое полотенце к лицу, промакивая влагу, и опускаю руки, глядя в глаза своему отражению. Сегодня будет очень долгий и веселый день. Даже не терпится. Наношу увлажняющий крем, защиту от солнца и пару раз прохожу по губам бесцветной гигиенической помадой. Боевой раскрас мне не пригодится, хватит и природного очарования.

Выхожу из ванной комнаты и с размаху прыгаю на кровать к брату. Дима подлетает на пару сантиметров, кряхтит, как старый автомобиль, и натягивает подушку на голову.

– Ди, отстань, – ворчит он.

– А шо такое? – кривляюсь я. – Бурная ночка выдалась?

– Иди в пень! Это ты виновата!

– Долго Сонечку спать укладывал? – Хватаю подушку, которой прикрывается Дима, и бью его по лбу. – Мне нужна ответная услуга, старшенький.

– И чего ты хочешь? Комнату у меня отжать?

Опираюсь на локоть и заглядываю брату в глаза:

– Не сегодня. Ты можешь отправить Марка в город? Под любым предлогом, главное, чтобы поехал.

Дима хмурится и растирает ладонями отекающее лицо, тяжело вздыхает и смотрит на меня с колючим неодобрением.

– Скажи... есть ли какая-то причина вселенского масштаба, по которой ты его так изводишь?

– Помимо того, что я хочу трахнуть твоего лучшего друга, как и ты когда-то...

– Я не трахал твоих друзей!

– Да-а-а? А Карина?

– Я пал в жестоком бою против сисек третьего размера! – вскрикивает он.

– Дим, если ты мне не поможешь, я расскажу Соне историю про мамин лосьон для тела и нашу бедную кошку, которая, после увиденного, безмолвно молила о ванне из кипятка и сеансах психотерапии. Вчера я создала тебе прекрасный образ милого парня, но я же могу и разрушить его в один миг.

– И почему я никогда не закрывал дверь в свою комнату?

– Потому что она была и моей тоже.

– Ди, ты толкаешь меня на преступление перед пацанской братвой!

– Обещаю, никто об этом не узнает.

– И-и-и?

– И Марк не пострадает, – смиренно дополняю я.

Дима отводит взгляд, тени сомнений ползут по его раскрасневшейся коже. Придется дать еще пару обещаний.

– Я не собираюсь вредить ему. Даю слово. Если тебе станет легче, то даже перестану к нему приставать и соблазнять. Мы с ним подружимся, вот увидишь. Все останутся в плюсе!

Брат молчит, а я теряю терпение.

– Дим, мы ведь оба знаем, что ты приютил меня не только потому, что соскучился. Ты хотел, чтобы я помогла тебе с Соней, и я помогаю. Разве нет?

– Ди... я...

– Я не злюсь, – произношу ласково и ерошу пальцами его и без того растрепанные волосы. – Ты поступил очень даже хитро, а это наша семейная черта – не упускать собственной выгоды. Верно? Поэтому сделай и мне одолжение, отправь Марка в город.

– Хорошо, – тихо отвечает он. – Но я не могу обещать, что сработает.

– А ты постарайся.

– Ты мне потом расскажешь, к чему это все?

Поднимаюсь с постели и оглядываюсь, прижимая подбородок к плечу:

– Да ты и сам увидишь.

– Ты просто монстр.

– И я тебя люблю, – подмигиваю я и выхожу из спальни брата.

Кручу телефон в пальцах, сидя на террасе, и слушаю разговор на повышенных тонах, доносящийся из кухни.

– Мне нужно обзвонить кучу людей! – кричит Дима.

– Можешь заодно и в доставку позвонить! – рычит Марк. – Мы с Мышью собирались...

– Этот блок стоит пол-ляма! Если курьер его расфигачит, кто будет платить?! Ты?!

– Забери его сам!

– Я же говорю, у меня куча созвонов на сегодня! А Мышь без тебя как-нибудь проживет полдня!

Тишина. Считаю секунды, закусив нижнюю губу. Ну давай же... давай!

– Ладно! – взрывается Марк. – Скинь мне точный адрес!

– Марк, ты мой...

– Заткнись! Я поехал.

Гремят удаляющиеся шаги, и я тихонько проскальзываю в дом, пробегая мимо брата, который осуждающе качает головой. Отправляю ему воздушный поцелуй и выскакиваю в холл. Запрыгиваю в кроссовки и толкаю парадную дверь, замечая удаляющуюся спину Марка. Он открывает ворота и направляется к серой иномарке, припаркованной на подъездной дорожке.

– Привет, Марк!

– Привет, – мрачно отзывается он.

– Ты в город? Не подкинешь ме...

– Нет!

Сказать бы ему, чей это ответ, да план рушить не хочется. Обиженно смыкаю губы и завожу руки за спину. Марк открывает водительскую дверь, и я делаю шаг вперед.

– Диана, у меня дела. Вызови такси.

– Слушай... – мягким тоном начинаю я и облизываю губы, изображая нервозность. – Я хотела извиниться.

Он замирает и приподнимает светлую бровь. Мне приходится бросить все силы, чтобы сдержать победную улыбку.

– Я сдаюсь, – смотрю на Рождественского из-под ресниц. – Seriously. Ты победил. Все это было глупо, и мне жаль, что я развела тут такой бедлам.

– Продолжай, – одобрительно кивает он.

Потираю пальцами лоб, опуская голову, и пинаю носком кроссовки мелкий камешек.

– Я хотела приготовить ужин сегодня, в знак благодарности за то, что вы разрешили пожить здесь... – Старательно подбираю слова. – Мне нужно за покупками, поэтому было бы здорово, если ты подбросил бы меня до города. Ну и... перестал шаррахаться от меня. Мы можем попробовать начать все сначала. Без всякой...

– Садись!

Марк забирается в машину, и я обегаю ее, не поднимая взгляд. *Какой же доверчивый идиот.* Занимаю переднее сиденье и осторожно закрываю за собой дверь, пристегиваю ремень безопасности и кошусь на Марка.

– Твой маленький друг и наушники решили вчера все проблемы? – насмешливо спрашивает он.

Закрываю лицо ладонями и пишу:

– Мне о-о-очень стыдно.

– Так и должно быть, – строго заявляет Марк и заводит мотор.

«Да, да, милый, ты на коне».

Выезжаем со двора и неторопливо направляемся в сторону центра. Вожу руками по белоснежной ткани свободных брюк, которые специально выбрала, чтобы снизить сексуальное напряжение, и смотрю в окно на проплывающие мимо коттеджные постройки.

– Куда тебя подвезти?

– На рынок. Тот, что у старой церкви.

– Что будет на ужин?

– Дима любит запеченную утку. Соня сказала, что неприхотлива в еде, а Коле возьму кило фисташек.

– Он будет в восторге.

Поворачиваю голову, наблюдая, как уверенно Марк управляет автомобилем.

– А чего хочешь ты?

Его руки на руле напрягаются, татуировки оживают. Взгляд Марка направлен на дорогу, но я и без этого чувствую, где сейчас сосредоточено его внимание.

– Мне все равно, – безразлично бросает он.

– Аллергия? – ничуть не смутившись, продолжаю я интервью.

– Нет.

– Ненавистные продукты?

– Я всеяден.

– М-м-м... – тяну задумчиво. – Ну хоть любимые есть?

– Все, что жуется и переваривается.

Разговор что-то не ладится, но это ничего. В конце концов, цель у меня другая. Оставляю Рождественского наедине с мыслями и с интересом разглядываю знакомые и не очень улицы и здания. Наконец, Марк паркует машину за трамвайной остановкой, напротив рынка, и поворачивается ко мне, всем видом показывая, что с нетерпением ждет, когда я уже свалю.

«Прости, хмурый мальчик, но тебе придется еще меня потерпеть».

– Можешь дать мне свои ключи?

– Что? – недоуменно хмурится он.

– Хочу сделать дубликат от входной двери, – ласково объясняю я. – Я останусь у вас до конца месяца, и мне нужно как-то проникать в дом, если там никого не будет. Думаю, никто не обрадуется разбитым окнам.

Марк, похоже, находит все это логичным и забирается рукой в карман. *А теперь смертельный номер!* Выхватываю связку и открываю дверь:

– Мастерская здесь рядом. Я быстро. Туда и назад.

– Эй! – выкрикивает Марк, но я уже несусь к пешеходному переходу.

За последние восемь секунд перебегаю дорогу и, только оказавшись на другой стороне улицы, оборачиваюсь. Рождественский стоит перед «зеброй», гневно нахмурившись. У меня есть меньше минуты на главный финт. Быстрым шагом добираюсь до мастерской и заглядываю в крошечное квадратное окно. Пожилой мужчина в старой кепке поднимает голову и открывает рот для приветствия, но я его перебиваю:

– Мне нужны дубликаты трех ключей, и я заплачу вам в два раза больше, если вы прикинетесь глухонемым.

Передаю ему связку, он медленно моргает и показывает мне три пальца. Деньжат срубить захотел побольше? Вот проныра!

– Здесь рядом еще одна мастерская, я могу обратиться и туда, – угрожающе произношу я. Мужик показывает мне большой палец, а через мгновение моего затылка касается горячее дыхание.

– Сколько времени это займет? – вежливо обращаюсь я к мастеру.

Он показывает два раза по десять пальцев и отворачивается к инструменту.

– И что это было? – гремит Марк.

– Я всего лишь не хотела тебя задерживать, – отвечаю со всей несуществующей искренностью. – Но у мастера тут небольшая запара, придется подождать двадцать минут. Может, мы... купим продукты, заберем ключи, потом съездим по твоим делам и вернемся домой вместе? Было бы идеально.

Марк напрягает челюсть и щурится от яркого солнца, глядя мне в глаза. *Палево! Палево!* Хлопаю его по плечу и весело усмехаюсь:

– Да брось! Что, по-твоему, я собираюсь сделать? Дублировать все ключи, чтобы ограбить тебя темной ночью? Марк! Я пытаюсь помириться с тобой! Хватит уже смотреть на меня так, будто я откусила твой...

– Идем за продуктами, – цедит он, разворачиваясь.

Фух! Кажется, пронесло. Разговоры о сексе спасают. Пристраиваюсь рядом с Рождественским и шагаю к воротам, открывающим мир торговых рядов. Ветер разносит аромат зелени и трав, который перебивает запах свежей речной рыбы.

– Ты умеешь торговаться? – спрашиваю я.

– Только воровать.

– Вот как? Здорово, конечно, но давай сегодня без этого. В участке нас вряд ли накормят ужином.

– Как скажешь.

– Давай я все-таки научу тебя торговаться? Смотри, схема такая: я говорю с мужчинами, ты – с женщинами. Цену сбивай сразу вполтину. Продавца это не обрадует, скорее всего, он посмеется, но ты с серьезным видом начинай понемногу повышать ставки. Когда дойдешь до отметки ниже от первоначальной цены на пятнадцать процентов, не сдвигайся с нее. Запомнил?

– Мы могли бы просто поехать в супермаркет.

– И это не было бы так весело! – Я хватаю его под руку. – Идем!

Марк сжимает в руках два огромных темных пакета, а я все не могу перестать его подкалывать, попутно разглядывая прилавки с травами и овощами, которые еще сегодня утром были в земле:

– Она тебя развела!

– Каким чудом?! Я купил помидоры за полцены!

– Пять килограммов, Марк! Что мы будем с ними делать? Откроем мини-завод по производству кетчупа?

– Но я же выбил скидку!

– Ты ничему так и не научился. Смысл в том, чтобы купить ровно столько, сколько нужно, но за меньшую цену.

– Да? А у тебя что, умница?

– Цветная капуста со скидкой в тридцать процентов и утка, к которой мне на халяву дали набор свиных копыт.

– На случай, если с твоими что-то случится?

Оборачиваюсь, вскидывая подбородок. Марк останавливается и невозмутимо смотрит на меня сверху вниз.

– Я могу и за бычьими яйцами вернуться, – предупреждаю я.

– У меня с этим все в порядке.

– Ну это пока.

Марк ухмыляется, а я улыбаюсь. Говорила же, рынок – это весело! Почти, как цирк, тоже клоунов хватает.

– Ты получаешь скидки только потому, что у тебя есть сиськи, – заявляет Марк.

– И я плачу за них каждый месяц от шести до десяти дней адской болью и кровотечением. Хочешь, поменяемся? Много ума не нужно, чтобы сворачивать шланг в улитку.

– Нет уж, спасибо. Мне и со шлангом хорошо.

– Знаешь, Марк... – Я медленно шагаю дальше по торговым рядам. – Мне всегда было интересно. Вот вы, когда на унитазах сидите, куда его деваете? Подвязываете, рукой придерживаете или через колено перекидываете?

Рядом раздается громкий раскатистый смех, и я поворачиваю голову. Рождественский заливается так, что чудом не давится собственной слюной, но все никак не может остановиться, привлекая к себе слишком много внимания. В груди теплеет, и я незаметно пытаюсь проморгаться и выпустить с выдохом лишнее напряжение.

– Кто-то еще слышал этот вопрос? – хрипит он.

– Ты первый счастливчик, – пожимаю я плечами. – Ответ будет?

Он качает головой, продолжая улыбаться, и наклоняется к моему лицу:

– Тут уж кому как повезло. Такой ответ устроит?

– Хм-м-м... А у тебя с этим как?

– А вот об этом, сестренка Диана, тебе придется только мечтать и догадываться.

– Жадина, – фыркаю я и шагаю дальше.

Проходим мимо прилавков, выбирая овощи. Пакеты тяжелеют. Грузный мужчина пролетает мимо, чиркнув острыми краями хвостов сушеной рыбы по моей руке.

– Эй! Смотри, куда прешь, курица! – бросает он.

– Прошу прощения, – спокойно отвечаю я.

– Какая воспитанная девочка, – хмыкает Марк. – Неужели ты никогда не выходишь из себя?

– Какой в этом смысл, если я все равно не могу никого убить? О! Нам туда!

За крайним прилавком стоит женщина лет сорока пяти с малиновым отливом на светлых волосах, а перед ней связки пышной зелени на любой вкус. То, что нужно.

– Ма-а-арк, – тяну я. – Твой выход.

– Что? Ты о чем?

– Не волнуйся, я все сделаю. От тебя нужно только присутствие и покорное молчание.

Справишься?

Марк следует за мной к прилавку, и я принимаю его молчание за согласие. Вежливо здороваюсь с продавцом и тщательно выбираю травы. Петрушка, листовой салат, немного черемши. Хватаю пухлый зеленый пучок и разворачиваюсь, подсовывая его под нос Марку.

– Ты любишь кинзу? – провожу листьями по его подбородку и шее.

Глаза Марка вспыхивают предупреждающим огнем, но он продолжает держать рот на замке.

«Послушный мальчик».

– А как насчет рукколы? – продолжаю перебирать я.

Марк морщится, и я возвращаю рукколу на место. Передаю одобренную зелень продавцу и широко улыбаюсь.

– Какую скидку вы нам сделаете, если этот красавчик, – киваю за спину, – покажет вам сиськи?

Женщина смеется и разглядывает Марка, от которого я чувствую обжигающие волны недовольства, бьющие по позвонкам.

– Никакую.

– Эх, – вздыхаю я. – Как жаль. А я думала, обнаженка решает все.

– Но-о-о... – лукаво прищуривается женщина, – я могу сделать вам скидку, если этот красавчик споет.

– Вот как?! Что скажешь, Марк?

– Семьдесят процентов, – деловито отвечает он, глядя на продавца.

– Только в том случае, если сможешь меня удивить... *красавчик*.

Вау! Я в ней не ошиблась! Марк опускает пакеты и подносит кулак к губам, тихо прокашливаясь. Приподнимаю бровь и складываю руки на груди в ожидании чуда. Если честно, я думала, он психанет, но жажда выйти из любой ситуации победителем слишком сильна. Нарцисс. Марк бросает на меня короткий взгляд и опускает ресницы. Первая строчка – разрыв селезенки!

I see trees of green, red roses too...

Глубокий, хриплый голос отражается от тонких металлических листов крыши ангара, разговоры замолкают. Потираю предплечья, покрывшись мурашками, и с открытым ртом смотрю на нового Армстронга. Ушам не верю! Кислорода не хватает, лишних звуков не существует. Марк протягивает последнюю строчку о том, как хорош этот мир, продавец хлопает в ладоши, и к ней присоединяются остальные зрители случайного выступления. Марк протягивает руку и щелкает меня по подбородку, поднимает пакеты и смотрит на продавца.

– Забирайте бесплатно, – очарованно бормочет женщина и вручает мне бумажный сверток. – И приходите еще.

– Обязательно, – кивает Марк и шагает к воротам.

Бросаюсь следом и чуть обгоняю его, чтобы заглянуть в лицо.

– А сразу так нельзя было? Мы могли кучу денег сэкономить!

– Ты купила все, что нужно?

– Да плевать на покупки! Ты умеешь петь! – взвизгиваю я. – Офигеть!

– Успокойся. Ты чего так завелась?

– Как чего? У тебя такой голос... такой... А в записи есть?

– Хочешь добавить меня в свой сонный плейлист?

Воображение бьет плеткой по бедрам, и я сбиваюсь с шага:

– Может быть...

– Ты еще не заслужила, – бросает он и ускоряется. – Давай живей. Двадцать минут уже прошли.

Вспоминаю о дубликатах и вновь догоняю Марка, изо всех сил стараясь включить мозг. Он не должен увидеть количество ключей!

– Эм-м-м... Марк, может, ты пойдешь в машину, а я сгоняю в мастерскую? Тебе, наверное, тяжело и...

– Не тяжело, – отрезает он.

– Ладно, – цежу я, а сердце все разгоняется.

Если я начну его активно выпроваживать, он может что-то заподозрить. Придется импровизировать и молиться. Добираемся до мастерской, и я заглядываю в окошко, распахнув глаза так, что они могут вывалиться от любого толчка. Протягиваю мужчине деньги, он смотрит на купюры, которых куда больше, чем в первоначальном договоре.

«Пакет», – произношу одними губами.

Мужчина считает выручку, а я секунды до провала. Наконец он поднимает голову, ударяя пальцами по козырьку кепки, и протягивает мне бумажный пакет, а вместе с ним связку ключей Марка. Так он уже все продумал?! Как же приятно осознавать, что в мире полно умных мужчин.

– Спасибо, – с радостным облегчением отвечаю я.

Мастер кивает мне, и я оборачиваюсь к Марку.

– Ну вот и все! – Шагаю вперед и кладу связку ему в карман. – Спасибо!

Марк опускает взгляд на пакет в моей руке и приподнимает уголок губ:

– Пожалуйста.

Поездка по делам и дорога домой проходят спокойно. Это немного странно, но я не привыкла отказываться от подарков судьбы. Дружеская волна поймана, и это пока все, что мне нужно. Возвращаемся домой, Марк ставит пакеты на кухонный стол, продолжая экспрессивно доказывать, что хип-хоп – не просто направление в музыке и танцах, а целая культура.

– Хип – это усовершенствование, хоп – прыжок. То есть дословно – движение вперед. Самовыражение, понимаешь? Этот стиль помог тысячам заявить о себе, рассказать свои истории и выразить точку зрения.

– Ладно-ладно, маэстро. Я все поняла. – Подхожу к нему ближе и упираюсь ладонями в столешницу. – Спасибо, что покатал меня, и... за лекцию тоже.

Он опускает взгляд на мои губы. Ну, может быть, с дружеской волной я погорячилась. Как бы мы оба ни пытались изображать из себя разумных взрослых, похотливые подростки в нас иногда перехватывают инициативу.

– Обращайся.

– Эй, ребята! Как дела?!

Смотрю на дверь, Дима нервно сжимает ручку, заглядывая в комнату.

– Гляди, как переживает, – шепчу я Марку.

– Ага, – усмехается он. – Извелся весь, бедолага.

– Скажем ему?

– Думаешь, стоит?

– Вы о чем?! – встревоженно спрашивает Дима. – Все-таки потрахались? Предохранялись, надеюсь? Я еще не готов стать дядюшкой Димой.

Переглядываемся с Марком и тепло улыбаемся друг другу.

– В чем дело?! – нетерпеливо вскрикивает Дима.

– Увидимся за ужином, – бросает мне Марк и выходит из комнаты, отодвинув Диму с пути.

– Ди-и-и... – Брат закрывает за собой дверь. – Ты что с ним сделала? Чего он такой... добрый? Кастрировала его, да? Так и знал, что нельзя тебе его доверять!

– Утомонись, старшенький. – Расслабленно вынимаю продукты из пакетов. – Я же говорила, что мы подружимся.

– К бабке его сводила? Порчу навела?

– На тебя – да. Запоры еще не замучили?

– Шутки в сторону! – хмуро произносит он.

– Дим, – ласково обращаюсь к брату, – тебе не о чем переживать. Мы все уладили без обмена жидкостями, поэтому... выдыхай.

– Хорошо, – Дима послушно делает, что велено, и оглядывает стол. – Помощь нужна? Хочешь, я попрошу Соню...

– И отдать ей половину оваций? Ни за что! Вон из кухни, и до вечера сюда ни ногой!

– Ты духовку-то включить сможешь?

– И ее включить, и тебя выключить.

Дима сдается и уходит. Выхожу за ним следом и поднимаюсь в свою комнату, чтобы переодеться. Пора приниматься за работу.

Мне нравится готовить, но я уже давно не накрывала стол больше чем на две персоны. Натираю утку специями и шпигую чесноком. Обмазываю ее медом и горчицей, начиняю яблоками и сладкой морковью. Включаю духовку на сто семьдесят градусов и отправляю утку тусо-

ваться до самого вечера. Папа говорил, что лучшее запеченное мясо то, которое само отходит от костей. Перехожу к приготовлению гарниров и закусок, пританцовывая под тихую музыку, звучащую из динамиков телефона. Солнце клонится к горизонту, поглаживая стены и пол теплыми оранжевыми лучами. Чувствую себя такой легкой и счастливой. Смех щекочет горло, по венам струится энергия, когда я смотрю на несколько готовых блюд. Кто молодец? Я молодец!

Бросаю взгляд на часы – половина шестого. Успею и пару соусов приготовить. Нахожу в верхнем шкафу ручной блендер и закидываю в стеклянный высокий стакан оставшуюся зелень вместе с чесноком и болгарским перцем. Немного оливкового масла, соли и копченой паприки для аромата. Измельчаю все до однородной массы, окунаю ложку, чтобы попробовать, и отвожу руку с блендером в сторону. Влажные пальцы скользят по рукоятке, и я сжимаю ее крепче, случайно зажав кнопку, которая открывает затворный механизм. Нижняя часть блендера летит на пол и попадает мне прямоком по большому пальцу ноги. Вскрикиваю, стеклянный стакан отправляется в полет, и я зажмуриваюсь, стискивая зубы. Черт, как же больно! Медленно открываю глаза и хватаю ртом воздух, увидев зелено-красное месиво вместо пальца.

– Ди! – кричит Дима, врываясь в комнату. – Что случилось?!

– Выйди, Дим, – тихо произношу я.

– О боже! Что с ногой?!

– Выйди! – повторяю твердо.

– Ди...

– Дима! Свали отсюда!

– Принесу аптечку, – выдавливает он дрожащим голосом.

Упираюсь рукой в столешницу и пытаюсь пошевелить пальцами на ноге. Рана пульсирует и горит, к глазам подкатывают слезы, а желудок стягивает тошнота. Перевожу взгляд на раковину. Если получится поднять ногу, смогу промыть. Только бы палец совсем не отвалился. Делаю крошечный шаг, мелкий осколок впивается в другую ступню, и я тихо пишу. Щеки увлажняются, рыдания замирают в горле, мешая дышать.

– Что за шум? – доносится голос Марка из холла.

– Ди... она... – бормочет Дима.

– Зачем аптечка?

– Она палец себе отрубила. Нет, Марк! Не ходи! Она не выносит, когда ее жалеют!

«Спасибо, Дима. Сейчас я пришью себе палец, а потом и рот тебе зашью».

Слышу, как открывается дверь, и еще ниже опускаю голову.

– Марк, положи аптечку на стол, – мирно прошу я.

Тишина.

– Здесь стекло повсюду. Выйди, пожалуйста.

И снова ответа нет.

– Марк, я сказала...

– Рот закрой! – гремит он.

Стекло хрустит под подошвой комнатных тапочек. Марк кладет аптечку на кухонный островок и хватает меня за талию, усаживая на столешницу. Обхватывает ногу за щиколотку и касается ладонью пятки.

– Палец на месте. Ноготь вроде тоже. Нужно промыть, – говорит он, рассматривая рану.

Прижимаю пальцы к губам, слезы стекают со щек на костяшки. Вблизи все выглядит еще хуже.

– Топор уронила? – спрашивает Марк и снимает с крючка полотенце.

– Блендер.

– Значит, тебе повезло.

– Не то слово, – шиплю я. – Слушай, я и сама...

– Угу, – мычит Марк и заносит над ногой пузырек. – Будет сильно жечь, скажи.

Крепче прижимаю ладони ко рту и зажмуриваюсь. Боль все нарастает, но я терплю из последних сил.

– Кажется, теперь ты сможешь с легкостью носить туфли с узким носом.

– Отличная новость... Ай! Больно! Больно!

– Ш-ш-ш... еще чуть-чуть.

Прячу лицо в руках, жалость к себе ощущается солью на языке.

– Все, – шепчет Марк. – Ну, ты как?

– Нормально. Спасибо. А теперь выйди, пожалуйста.

– Ты правда не выносишь, когда тебя жалеют?

Ком в горле все растет, не могу ответить.

– Ди, – зовет Марк.

– Я в порядке! Мне нужно закончить с ужином и все убрать, а ты мешаешь! Уходи! – срываюсь на крик, но он едва ли звучит решительно.

Стук сердца замедляется, Марк нежно поглаживает мою лодыжку. И он не уходит, а подступает ближе. Тепло его тела и тонкий аромат сандала окутывают со всех сторон.

– Так сильно болит?

– Адски, – шепчу я.

– Приложим холод, должно помочь.

Марк отступает, хлопает дверь морозильной камеры, а через минуту ноги касается приятная прохлада. Смотрю на Рождественского сквозь пелену непролитых слез и произношу насто-роженно:

– Ты странно себя ведешь.

– Да ну? Дима сказал, что ты *отрубила* себе палец.

– И ты решил меня спасти?

– Тащусь по расчлененке.

Сдавленно усмехаюсь и стираю слезы со щек. Даже если он и правда ведет себя странно, мне это почему-то нравится.

– Во второй стопе осколок. – Я подтягиваю ногу. – Вытащишь?

– Эй, ребят, – тихо зовет Дима из-за двери. – Ну как там? «Скорую» вызывать?

– Только если тебе, – отвечаю я, глядя на побелевшее лицо брата, заглядывающего в комнату. – Дим, иди лучше приляг.

– Может, нужна помощь?

– Нет! – отрезаю я.

– Почему?! – возмущается Дима. – Почему ему можно, а мне нет?! Я думал, мы... мы...

Сжимаю руки в кулаки, царапая ногтями мраморную столешницу.

Потому что не он оставил меня одну, когда был нужен больше всего. Не он ногами про-падал, пока я рыдала в подушку. Не он сказал, что мы больше не семья. Я научилась справ-ляться сама. Научилась! А теперь что? Снова поиграем в заботливых родственников?!

Не произношу ни слова, но, кажется, Дима все чувствует. Он опускает взгляд и тихо скрывается за дверь. Тонкая боль пронзает ступню, и Марк показывает мне окровавленный осколок.

– Готово.

– Спасибо. Ты можешь...

– Зря ты с ним так.

Не могу сдержать ядовитой усмешки и пихаю Марка носком в живот, заставляя попя-титься:

– Так иди и пожалей. Ему сейчас это больше нужно.

– Ты ведешь себя, как сука.

– Почему же как? Я и есть она, Марк. Разве Дима не говорил? Не предупреждал?

Он недовольно качает головой, поджимая губы, и бросает беглый взгляд на закрытую дверь:

– Ты думаешь, что он плохо к тебе относится, винит в чем-то, но это не так. Он...

Мышцы шеи и лица сводит, словно по венам пустили электрический ток. Я пыталась вести себя нормально, но то, как все тут ему чуть ли не поклоняются, выводит из себя. Ну конечно, Дима всегда был хорошим, а вот я... Заливисто смеюсь, толкая Марка еще дальше:

– И ты тоже? Защищаешь друга? Это так мило, сейчас расплачусь! А знаете что? Лучше мне вас оставить. Позовите Соню, бабушку, президента и все вместе, дружным хоромом...

– Хватит! – грозно произносит Марк.

– А что не так? Я же хочу, как лучше.

– Лучше бы вам...

– Что?! Ну что?! Поговорить?! Волшебные силы откровений! – Машу руками в разные стороны, будто раскидываю по комнате пыльцу фей. – Дайте мне надежду! Спасите от обид!

– Ты больная.

– А вы все такие здоровые, обрыдаешься, – цежу я, спрыгивая на пол, и морщусь от физической боли, которая подогрывает душевную.

Прохожу мимо стола, голова пустая. Вместо сердца комок эмоций, пульсирующий, как гнойный нарыв. Взмахнув рукой, бью по тарелкам, закуски сыплются на пол. Лучше бы я не приезжала. Лучше бы продолжала жить так, как жила. Мне было спокойно. Я была счастлива без всей этой чепухи родственных обязательств! Мы все были счастливы!

Выхожу в холл, ступни скользят по плитке, но я не смотрю вниз, чтобы не видеть кровавые следы. Дверь все ближе, тянусь пальцами к ручке.

– Куда собралась?!

Глава 6

POV Диана

Голос брата больше похож на вой ветра на вершине горы. Прикрываю глаза, губы дрожат в улыбке. Оборачиваюсь, прижимая подбородок к плечу:

– Вещи заберу завтра. Спасибо за теплый прием.

Дима широким шагом пересекает холл, а я распахиваю дверь, уже собираясь переступить порог.

– С ума сошла?! – кричит он и вытягивает руку, перекрывая мне проход. – Хочешь заразу в рану занести?! Никто тебя не выгоняет!

Дима так похож на отца, когда злится. Морщина на лбу, один глаз прищурен больше, чем другой. Сжимаю зубы, гневное дыхание опалает ноздри.

– Отойди!

– Нет! Этот трюк больше не сработает! Хватит уже сбегать!

– Дима, мы не будем...

– Нет, будем! Давно пора это сделать. Я так же, как и ты, пережил развод родителей! Так же, как и ты, потерял отца! Хватит строить из себя единственную жертву! Хватит убегать, оставляя после себя долбаное чувство вины!

– Чувство вины?! Ты мне об этом говоришь? Ты?!

Шарахнув дверью так, что вибрирует пол, смотрю на брата, едва разбирая его облик из-за черных пятен перед глазами.

Через стену гремели строгий голос мамы и приглушенное ворчание отца. Треск, глухой стук. Громкий крик, а за ним оглушающая тишина. Я влетела в родительскую спальню, слезы бежали по щекам. Тумбочка была перевернута, отец сидел на полу, схватившись за голову, а маму трясло от злости. Она посмотрела на меня и прошипела, наклонившись над отцом: «Такое детство ты хочешь для своих детей? Чтобы они засыпали под скандалы каждую ночь? Этого добиваешься?» Она была готова ударить его, и я кинулась к папе на грудь, заливаясь слезами. «Не надо, мамочка. Не надо», – лепетала я. Через четыре дня отец собрал вещи и ушел. А еще через день Дима кинул в меня подушкой, потому что ему надоели мои слезы, и сказал: «А че ты ноешь? Это все из-за тебя. Если бы ты не лезла постоянно со своими соплями, они бы помирились».

Все из-за тебя.

Эта фраза оставила такой глубокий след, что он до сих пор не затянулся. И я не знаю, что с ним делать и как лечить, зато научилась игнорировать. Смирилась. Мы все смирились.

– Мне было четырнадцать, Диан. Четырнадцать! Ни ты, ни я тогда до конца не понимали, что происходит!

– А мне было девять! И ты был тем человеком, словам которого я верила! Человеком, который обвинил меня в том, что это я разрушила семью! Ты первый от меня отказался!

– Неправда! Это ты замкнулась! Жалела только отца! Ты не хотела верить, что это он во всем виноват! Не хотела даже слушать! Ты сбегала к нему при первой возможности, а после его смерти вычеркнула нас из жизни, превратив в соседей! Он промыл тебе мозги! Настроил против нас!

– Он любил меня! – хлопаю Диму по груди, отгалкивая. – Единственный из всей нашей гребаной семейки! И он меня ни в чем не винил, в отличие от тебя!

– Он любил только свои колеса, а ты единственная, кто его за это не осуждал, – хмурится Дима. – Он был болен, Диан. Был опасен.

Кровь гудит в ушах, внутренняя борьба усиливается. Слезы каплют с подбородка, а ком в горле вызывает тошноту. Я не могу в это поверить. Не хочу. Дима снова пытается настроить меня против отца. Вот от чего я уехала, от чего сбежала. Здесь я снова становлюсь маленькой, слабой, виноватой, никчемной.

– Он... он...

– Нет! – яростно выпаливает брат, шагая ближе, и тычет в меня пальцем. – Не смей снова его выгораживать! Ты уже не ребенок, хватит капризов! Только представь, чего натерпелась мама! Как ей было тяжело! Ты все время злилась на нее, обвиняла, а она всего-то пыталась нас защитить!

– Ему тоже было тяжело! – верещу я не своим голосом. – Вы его бросили! Отвернулись! Выбросили, как ненужную...

– Замолчи! – Дима трясет руками, его напряженные пальцы медленно сжимаются в кулаки у лица, будто он пытается удержать злость. – Ты повторяешь одно и то же. Повторяешь его слова. И ты наказываешь нас, мстишь за него. Когда мама сломала бедро...

– Это тогда, когда ты назвал меня эгоистичной сукой? – хмыкаю я, язык горит от горечи. Дима вздрагивает, в его светлых глазах сверкает молния:

– Ты вела себя именно так! Даже приехать не захотела! Лучшая дочь, ничего не скажешь! Зато сейчас примчалась...

– Так вот в чем дело?! Я дважды сука, потому что приехала не ради вас?! – Запрокидываю голову, безумная улыбка жжет болью уголки рта. – Что-то не припомню, чтобы ты или мама хоть раз за семь лет приехали ко мне. Хочешь, расскажу, как я две недели пролежала в больнице с сотрясением? А знаешь, кто сидел у моей койки? Конечно, нет! Ты вообще меня не знаешь!

– Почему ты не позвонила? Я бы... я...

– Что, Дим? Ты бы приехал?

– Ну-у-у...

– Ну что? Говори. Ты ведь этого добивался, чтобы мы поговорили и высказали все обиды. Должно же стать легче. Давай! А лучше я начну. Когда отца не стало, мама сутками пропадала на работе, а ты бесконечно тусовался. Я была одна. Постоянно! И, представь себе, тоже болела, попадала в неприятности, но решала свои долбаные проблемы сама! Чего вы от меня теперь-то хотите, а?! Родственных чувств?! Благодарности?! Я оплатила за все хорошее, оставив вас в покое! Не надо заливать про то, что я вас бросила! Вы сделали это первыми!

– Потому что нам всем было больно! – от крика Димы закладывает уши, живот сводит болезненной судорогой. – Всем, черт возьми! Зависимость отца и последствия коснулись каждого. Ладно ты тогда этого не понимала, но сейчас-то, Ди... Сейчас! Думаешь, одна его любила? Одна страдала? Мы все это проживали, каждый, как мог. А одиночество и отстраненность ты выбрала сама. До тебя попросту было не достучаться.

Тяжелый вздох слетает с губ, взгляд плывет, а ноги слабеют. Покачиваюсь, Дима подходит ближе, и дрожь пронзает кожу тонкими ядовитыми иглами.

– Не трогай меня! – грубо отбрасываю его руки.

– Вот видишь. Это ты от нас отказалась. Запретила жалеть себя, любить, скучать. Мама говорила, это пройдет со временем, но... ничего так и не изменилось. Мы все еще для тебя злодеи, а он хороший.

Опускаю голову и прижимаю пальцы к вискам. Боль в груди заставляет забыть о поврежденном пальце и вообще обо всем. Улыбка отца, запечатленная в памяти, кажется такой яркой, такой доброй. Я помню его теплые руки и колючую бороду, царапающую лицо, когда он целовал меня в щеку.

«Мое солнышко... в мире нет ничего важнее, чем ты».

«Никто нас не разлучит, Ди. Я всегда буду твоим папой».

«Я рядом, родная. Не плачь. Сильно болит? Сейчас полегит, и все пройдет».

Воспоминания тускнеют с каждым годом, а скорбь от потери, наоборот, разрастается. Она заставляет придумывать иные варианты развития событий, искать возможный выход, давит на причины и следствия, заливая рану разъедающим плоть чувством вины. И я уже не помню, сколько мне лет, не знаю, где нахожусь. Гной так и сочится, возвращая туда, где я не хочу быть, но наивно мечтаю остаться там, чтобы все исправить.

– А что, если ты был прав? – шепчу я. – Что если бы я не лезла в их ссоры...

– Нет, Ди... все не так... – сбивчиво отвечает Дима.

– Если бы мама не выгнала его, то она... она бы ему помогла. Если бы ей не нужно было защищать нас, то...

– Ох, черт. Ди, только не говори, что ты считаешь себя... Нет. Нет! – тверже произносит Дима. – Здесь нет твоей вины. Просто... просто каждый из нас справлялся с трудностями по-своему, и способ отца был самым тупым.

– Почему? Почему он начал принимать?

– Не знаю. Даже предположить не могу.

Дима замолкает, и я не без труда поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Вспышка воспоминаний слепит на пару мгновений. *Белая полоска пены из уголка сухих губ, расслабленная кисть, свисающая с края дивана.*

– Я ведь позвонила тогда тебе. Мне нужна была помощь.

– Ди... – обреченно выдыхает Дима, и его щеки белеют от того, как сильно он сжимает зубы. – Я... я испугался.

Стираю слезы с лица и прижимаю ледяные пальцы к щекам на пару мгновений, чтобы привести себя в чувство:

– Я тоже.

– Мне так жаль, что ты это видела. Что нашла его, когда...

– Ага. И мне.

Выравниваю дыхание, тянусь к дверной ручке и опускаю ее. Дима болезненно ведет головой в сторону:

– Не уходи. Пожалуйста. Это не решит проблему.

– А что ее решит? – спокойно спрашиваю я.

Сосуд эмоций пуст, сил не осталось. В душе только печальное эхо: «Не уходи. Не уходи». Но я знаю, что это правильно.

– Нам всем стало лучше, когда я уехала. Вы с мамой выдохнули, да и я тоже.

– Все не так.

– Разве?

– Прости меня, – слова брата похожи на лезвия, вспарывающие кожу. – Прости меня, Ди. Я не понимал, что с тобой происходит. Не знал, как себя вести. И я злился... очень злился. Мир как будто рушился. Все менялось, а я не успевал адаптироваться. Мне было жаль маму, отца я ненавидел с каждым днем все больше, особенно в те моменты, когда ты возвращалась от него и не разговаривала со мной по несколько часов. Казалось, ты все делаешь назло, а после его смерти это ощущение только усилилось. Я тебя не узнавал, поэтому... отключился.

Пар от закипающей воды поднимался к потолку. Я схватила чайник и наклонила его над кружкой. Громкий топот и неожиданный крик заставили руку дрогнуть. Кипяток разлился по ладони, пальцы скрутило от боли.

– Ди, ты обожглась? Дай посмотрю! Нужно под холодную...

– Все нормально! – хлестко ответила я и вернула чайник в подставку.

– Но...

Я оттолкнула брата и молча ушла в ванную комнату. Ударила пальцами по задвижке на двери и открыла кран над раковиной. Слезы смешивались с проточной водой, а мысли сочи-

лись ядом. Дима наверняка специально это сделал. Был бы здесь папа, он бы меня пожалел и по-настоящему посочувствовал, но его нет... вообще нет.

– Ди, я виноват перед тобой, но... я правда хочу все наладить. Хочу вернуть сестру. Мы наделали много глупостей, но родными быть не перестали.

Молчу. Не знаю, что сказать. Отец тоже был нам родным человеком, но его почему-то они вычеркнули из жизни.

– Поговори со мной, – просит Дима. – Пожалуйста.

– Я думала, вы меня ненавидите, – выдавливаю сквозь сухость в горле.

– Или ты хотела, чтобы мы тебя ненавидели. Мама говорила, так ты справляешься с болью и пытаешься сохранить связь с отцом. Ты убедила себя, что мы считали его врагом, а когда его не стало, заняла этот пост. Боялась его предать.

– Какая у нас умная мама.

– Иначе она не воспитала бы таких классных ребят, как мы с тобой. Только взгляни. Разве мы несчастны? У каждого, как ты и сказала, классная жизнь. Так почему бы не впустить в них друг друга? Да, раньше мы не были показательной семьей, но все меняется, и именно мы выбираем эти перемены. Если ты думаешь, что я как-то помешаю твоему счастью, добавлю проблем или чего угодно, то... ладно. Я не буду лезть. Но я бы хотел, чтобы ты присутствовала в моей жизни.

– Зачем?

Дима склоняет голову и улыбается так, что слезы градом льются из моих глаз. Он ничего не произносит вслух, но все и так читается по глазам: «Потому что ты моя сестра. Потому что люблю тебя». Недавний обжигающий огонь злости и обиды вдруг становится маленьким пламенем, не причиняющим дискомфорта. Воспоминания не стереть, некоторые ошибки не исправить, но каждая новая секунда дает шанс и выбор. Кем ты хочешь быть? Что почувствовать? Куда идти?

Протягиваю руки, кисти такие тяжелые, но я пересиливаю себя, делая крошечный шаг вперед. Обнимаю Диму и прижимаюсь ухом к его груди. Он гладит меня по спине и облегченно выдыхает. Наверное, это самое искреннее проявление чувств за последние десять лет.

Нам всем было непросто.

– И ты... и ты меня прости, Дим. Я даже не знаю, что еще сказать.

– А ничего не говори. Мне не нужно твое раскаяние.

– А вот мне твое было нужно. Все-таки я эгоистичная...

– Ну и ладно, – отмахивается он. – Эта черта не так уж и плоха, если пользоваться с умом. Мне, как старшему брату, куда спокойнее знать, что никто не сможет тебя обидеть. Тут уж скорее ты сама в блин раскатаешь, кого захочешь.

– Я слышу нотки гордости?

– Еще бы!

– Мне этого не хватало, – с нежностью произношу я. – Может, найдем какого-нибудь гипнотизера и перепишем воспоминания? Так нам точно станет легче. Потому что все эти разговоры... просто ужас какой-то.

– А может, попытаемся наладить все своими силами, пока ты здесь? У нас вроде неплохо получается.

– Да? Зайди на кухню и подумай еще раз.

– Ох черт! Как твоя нога?! – Дима встревоженно отстраняется и смотрит вниз. – Твою ж... выглядит ужасно. Давай все-таки в больницу съездим?

– Поцелуй, и все пройдет.

– Прямо туда?!

– А шо такое, старшенький? Уже передумал меня жалеть? – смеюсь я, слипшиеся от слез ресницы щекочут веки, а тело ватное, словно я выпила ящик вина.

Дима широко улыбается, его ладони скользят по моим плечам:

– У коровки боли... у собачки боли... а у Дианочки, моей сладкой лапочки...

Запрокидываю голову и замуриваюсь:

– Это ужасно-о-о! Дима, прекрати!

– Эй! Это лучшее обезболивающее, которое я знаю!

– Мне жаль твоих детей.

– Отдам их на воспитание бабушке.

– Отличный вариант, – киваю я и вдруг испуганно распахиваю глаза, вернувшись, наконец, в реальность. – Черт! Утка в духовке!

– Если мы спалим дом...

Закидываю руку брату на плечи, и мы возвращаемся на кухню, но так и замираем в дверном проеме. Марк сидит за столом посреди беспорядка и ест утку руками прямо с противня.

– Что? – спрашивает он, сжимая в масляных пальцах кусок мяса. – Думали, я ждать буду, пока вы там наоретесь?

POV Марк

Нажимаю кнопку запуска на посудомоечной машине и вздыхаю, глядя на грязный пол. Эта чокнутая семейка и меня скоро с ума сведет. Достаяю из шкафа швабру и принимаюсь оттирать с плитки остатки соуса и кровавые пятна. Терпеть не могу убираться, но это лучше, чем провести черт знает сколько времени с Дианой наедине. Пусть Дима с ней возится, это его обязанность, а я лучше уборщиком поработаю. По крайней мере, я не хочу трахнуть швабру.

Вспоминаю растерянные голубые глаза, полные слез, и с силой вдавливаю тряпку в пол. Значит, отец Димы и Дианы сидел на наркотиках? Я не знал, Дима точно раньше не упоминал об этом, и, наверное, неудивительно. Так себе бэкграунд. Даже затрудняюсь сказать, что лучше... иметь такого отца или не иметь никакого вообще? Кому из нас больше повезло? А может, мы все проиграли в лотерею на счастливое детство?

– Ничего себе! Рождественский за уборкой? Снег пойдет!

Молчу, продолжая сгребать осколки.

– Что здесь случилось? – требовательно спрашивает Соня. – Я слышала крики.

– Дима вернется и все тебе расскажет, – сухо бросаю я.

– А где он? Это что?! Кровь?!

– Соня, только ты не вопи. Да, это кровь. Диана поранилась, Дима повез ее в больницу.

– Как?! Что с ней?..

– Просил же! – Недовольно зажмуриваюсь. – С ней все нормально. Палец распорол, но жить будет.

– Ясно. Давай я... я помогу.

– Нет! – рявкаю я, оборачиваясь.

Соня пошатывается, как от удара, и хватается за дверной косяк. Ее влажные темные волосы обрамляют бледное лицо, губы искусаны, а в глазах боль. Сейчас она выглядит лет на десять моложе, почти так же беспомощно и уязвимо, как и тогда... когда мы... когда я... Крепче сжимаю черенок швабры.

– Здесь все еще куча осколков. Иди к себе.

– А ты, как всегда, меня прогоняешь. Марк, мы могли бы...

– Нет.

– Дай мне закончить! – решительно произносит она. – Мы могли бы попытаться наладить отношения. Как друзья... как...

– Ты меня любишь? – стреляю вопросом в упор.

Соня с трудом сглатывает и опускает глаза. Ее рука тянется к плечу, пальцы забираются под край оранжевой футболки и накрывают татуировку.

– Вот и все, – устало хмыкаю я. – Разговор окончен.

– Чем я это заслужила, Марк? – Обида в ее приглушенном голосе заставляет сжать зубы. – Почему ты...

– Соня, я не скажу ничего нового. Я не могу дать то, что ты хочешь, поэтому и ушел. Но ты, как мазохистка, таскаешься за мной вместо того, чтобы строить свою жизнь. Еще и обвиняешь. Глупо. Тебе так не кажется?

– Глупо было думать, что и ты когда-то меня любил, – злобно цедит она. – И знаешь что? Я здесь не ради тебя, а ради...

– Димы? – усмехаюсь я.

– Не веришь? А зря. Он лучше, чем ты. Он честный, добрый. И он не боится отношений только из-за того, что когда-нибудь они могут закончиться.

– Совет вам да любовь, – уже открыто смеюсь я, не в силах сдержаться.

– Какая же ты сволочь, – раздраженно выплевывает Соня.

– Почаще напоминай себе об этом.

Она круто разворачивается и уходит, а я продолжаю наводить порядок после истерики одной невыносимой сучки, которая методично взрывает мне мозг вот уже неделю. В гневе она действительно страшна, и что еще хуже – бесстрашна. От таких баб стоит держаться подальше. Поскорее бы Диана уехала, Дима с Соней сошлись, и они все от меня отвалили!

Выбрасываю грязные тряпки и отношу мусорный пакет в контейнер у дороги. Возвращаюсь в дом, но не успеваю добраться до лестницы. Громкий хлопок застает меня посреди холла.

– Мы дома! – звонко вопит Диана.

Медленно оборачиваюсь, засовывая руки в карманы спортивных штанов. Диана висит на плече у Димы, на ее ногах сланцы брата, которые сойдут ей за лыжи, одна ступня обмотана бинтом, на большом пальце второй – пухлая повязка.

– Прости, Марк, я все-таки выжила и вернулась. Сегодня не твой день, – пьяно хихикает она.

Смотрю на Диму и вопросительно выгибаю брови. Он мотает головой, крепче прижимая к себе сестру:

– Ей дали обезбол и успокоительное.

– Эффект впечатляет.

– Ой заткнись! – весело бросает Диана. – Палец не ампутировали, с братом мы помирились. У меня есть повод для радости!

Поднимаю руки, отступая, и заявляю мирно:

– Никто и не спорит.

Она хитро прищуривается и вдруг срывается с места, волоча за собой Диму. Подбегает ко мне, повторяя отрывистое «ай, ай, ай...» на каждый шаг, заглядывает в глаза и с улыбкой обхватывает мою шею, заставляя наклониться.

– Спасибо, Марк.

Мягкие теплые губы прижимаются к моей щеке, и я недоуменно отвечаю:

– Кхм... пожалуйста?

Довольно усмехнувшись, Диана ковыляет в сторону кухни, а Дима протягивает мне руку. На его губах та же приторная улыбка, что и у сестры.

– Да, спасибо, братан.

Касаюсь его ладони, раздражаясь все больше. С чего мне-то благодарности? Дима резко дергает мою руку и впечатывается в щеку смачным поцелуем. Отталкиваю его и стираю пальцами влажный след:

– Вы там говна пожрали по дороге?!

Он шуточно закатывает глаза и хлопает меня по плечу, проходя мимо. Оглядываюсь, все еще не понимая, что случилось с этими двумя ненормальными, и при чем здесь я.

– Вау! Какая чистота! – кричит Диана из кухни. – Марк! Это ты постарался?! Ну просто фея-крестная сегодняшнего дня!

– Это Соня! – бросаю я, шагая к лестнице.

– Я та-а-ак хочу есть! Дим, а ты?!

– Голоден, как зверь!

– От утки одни кости остались! Марк обжора! Хоть бы ножку оставил!

– Закажем пиццу?!

– Четыре сыра!

– И Маргариту!

Качаю головой, поднимаясь по ступеням. Дурдом. Вхожу в спальню и запираю дверь на ключ. Наконец-то тишина и покой. Зажигаю свет в ванной, открываю навесной шкаф и беру пузырек со снотворным, случайно задев пальцами помолвочное кольцо. Оно падает, со звоном отскакивает от борта раковины и останавливается у края сливного отверстия. Смотрю на белый

металл, блеск бриллианта танцует на керамической поверхности. Кислая ухмылка касается губ, и я возвращаю кольцо на полку.

Морщусь от громкого раскатистого смеха, доносящегося из гостиной, и допиваю вторую чашку кофе за последние два часа. Теплый ветер качает край занавесок в столовой, головная боль усиливается. Сон под снотворным не подарил бодрости, а, кажется, опустил ее до минимума. Телефонный звонок бьет по вискам, растираю сухие щеки ладонью и прижимаю мобильный к уху:

– Да?

– Добрый день, Марк! Я звоню, чтобы подтвердить завтрашнее мероприятие.

– Здравствуйте, Оксана. Да, все в силе. Ребята после трех должны подъехать к вам, чтобы проверить аппаратуру.

– Отлично! Будем ждать!

– Всего доброго.

– И вам.

Завершаю звонок и набираю другой номер. Пара гудков, и из динамика слышится хрип:

– Доброе утро.

– Какое утро? Уже двенадцать!

– Пятница же...

– Да хоть что! Ром, вставай, буди свою палочку Твикс и дуйте в «Жар». Вас ждут в три часа на саундчек.

– А завтра нельзя? – бурчит раздражающая половинка дуэта «Сочь», но Вове звонить – себе дороже. Там вообще не голова, а решето.

– Нет! – грозно говорю я. – Чтобы в три были там.

– Понял, шеф. Зарплату повысишь?

– Добавлю десять ударов плеткой.

– Извращенец.

– В три часа! – повторяю я и с грохотом кладу телефон на стол.

Медленно разжимаю пальцы и шумно вздыхаю. Да что со мной? Такое чувство, что шарики за ролики заходят. Не могу себя контролировать, не могу нормально думать. Новая волна смеха врывается в комнату из-за приоткрытой двери, Диана заливается звонче всех.

Поднимаюсь и направляюсь на кухню, чтобы сделать еще кофе. Горячая кружка обжигает пальцы, приводя в чувство, а терпкий аромат свежемолотых зерен очищает голову. Нужно сосредоточиться на работе. Это всегда помогало. Завтра у ребят выступление, у Мыши скоро премьеры. Нужно разгрести почту, свести последнюю звуковую дорожку, одобрить пиар-кампанию. Уже собираюсь скрыться за дверью подвала, но замираю на месте, услышав веселый крик:

– Больше страсти, Ди!

– Куда еще больше?! Я вообще-то травмированный человек, если вы не заметили!

– Тебя видно только по пояс!

– Что, кстати, большая потеря для зрителей!

И снова дружный хохот, который проносится электрическими зарядами по венам. Крепче сжимаю ручку чашки и иду в маленькую гостиную. Дима сидит на диване рядом с двумя размазанными девчонками, уткнувшимися в мобильники, Мышь развалился в кресле, закинув ноги на подлокотник. Напротив окна установлен штатив с камерой, а в кадре два полуобнаженных парня и Диана. Ну конечно! Куда мы без нее?! На ней бежевые короткие «велосипедки», которые я ненавижу всей душой, и тонкий белый топ. Волосы убраны в высокий хвост, замысловатые узоры черной татуировки оплетают позвоночник терновыми ветками. Диана стоит, опираясь на плечи двух малолетних плейбоев, из динамиков звучит последний трек Мыши.

Челюсть сводит, пальцы впиваются в чашку с такой силой, что она может треснуть в любой момент.

– Марк, что-то случилось? – спрашивает Дима, заметив меня в проходе.

Диана разворачивается, приветливо сияя улыбкой, и проводит ладонью по руке одного из парней:

– Привет, Марк. Тоже хочешь присоединиться? У нас тут весело.

– Да, я слышал, – сухо киваю и перевожу взгляд на Мышь. – Ты должен быть в кадре, а не она.

– У Ди отлично получается, – беспечно отвечает он.

– Марк, у нас все под контролем, – встает на защиту Дима. – Контента наснимаем, будь здоров.

Нервный спазм сводит плечи, потому что Диана, прихрамывая, направляется ко мне. Задерживаю взгляд на ее груди и чудом сдерживаюсь, чтобы не плеснуть кофе на белый топ только ради того, чтобы Диана переделалась. Нельзя быть уверенным, что следующий наряд будет лучше, чем этот.

– Можно глоточек? – Она заглядывает в чашку. – Что-то во рту пересохло.

– Ну еще бы, – я поглядываю на пацанов, стоящих позади. – Нет, нельзя.

– Не будь жадиной, – хмурится она.

«Не будь стервой!»

Хочу схватить ее за подбородок и впиться злым поцелуем в губы. Хочу закинуть на плечо и унести в спальню. Хочу ее, черт возьми! В этом вся проблема! Причина моего безумия – несносная сучка, которая беспардонно влезла в мою жизнь, нарушив привычный порядок вещей!

– Всего глоток. Один... маленький... – уговаривает Диана.

Невыносимая! Молча протягиваю чашку, и Диана скрывает победную ухмылку, отпивая горячий кофе. Облизывает губы и поднимает голову.

– Никто из них с тобой не сравнится. Не ревнуй, Марк, – шепчет она и возвращает чашку.

– Ты себе льстишь.

– Уверен?

Диана подмигивает мне и разворачивается, медленно направляясь к парням. Хлопает их по задницам и сжимает пальцы на ягодицах:

– Ну что, мальчики, продолжим?!

Глубоко вдыхаю и поспешно покидаю гостиную. Работа. Работа. Рабо... Сука! Я прибую ее! Она еще будет молить о пощаде!

Плотно закрываю за собой дверь, тишина в студии отвлекает от того цирка, что происходит наверху. Зажигаю свет над компьютерной зоной и сажусь в крутящееся кожаное кресло перед длинным столом, на котором стоят четыре монитора. Опускаю чашку на пробковый подстаканник и нажимаю кнопку запуска системного блока, погружаясь в накопившиеся дела. Быстро просматриваю почту, а затем открываю аудиоредактор и надеваю наушники. Запускаю последний бит, мир исчезает. Никакого лишнего шума, мыслей, эмоций. Внутри полный штиль, а в ушах ударный ритм, бас, мелодия. Меняю скорость звуковой дорожки, выискивая проплешины. Процесс так захватывает, что я теряю счет времени, но в себя приводит цитрусовый аромат и незваная гостья, опускающаяся в соседнее кресло с полной тарелкой очищенных апельсиновых долек в руках. Стягиваю наушники и смотрю на Диану, не сдерживая гнев:

– Какого черта ты...

– Ого! – Она восторженно водит взглядом по сторонам. – Да у вас тут настоящий кибер-бункер! Столько аппаратуры! А что это на стенах, шумоизоляция? Круто! О, и ударная установка есть?! Можно мне...

– Нет!

– А там за стеклом что? Будка для записи?

– Что ты здесь делаешь?!

Диана смотрит мне в глаза, ничуть не стусевавшись от моего рассерженного тона:

– Дима разрешил мне поиграть в комп.

Дима разрешил? Я бы разрешил ему с крыши прыгнуть!

– Вообще-то я работаю, – говорю спокойнее, потому что энергетические вампиры обожают негативные эмоции, а я не привык кормить всех без разбора.

– Работай, – пожимает плечами Диана и дергает компьютерную мышь, зажигая монитор. – Ты мне не мешаешь.

– Зато ты мне мешаешь.

– Брось! – смеется она. – Я буду вести себя тихо. Ты даже не заметишь, что я здесь.

Натянуто улыбаюсь и надеваю наушники, упираясь взглядом в монитор, на котором едва могу что-то разобрать. Воздух, разогретый злостью, обжигает ноздри, и я делаю несколько осознанных вдохов и выдохов, чтобы остыть. Веду себя, как идиот, а Диана только этого и добивается. Веселится! И я могу ее понять. Будь я на ее месте, вероятно, делал бы то же самое, чтобы избавиться от скуки.

Теперь время тянется бесконечно долго, сосредоточиться не получается. То и дело стреляю взглядом вправо и едва сдерживаю звериное рычание. Диана играет в компьютерную игру с аниме-графикой, трясет головой, машет руками, периодически крутится в кресле и закидывает ноги на стол. А еще она ест эти чертовы апельсины и постоянно облизывает пальцы. Незаметная донельзя.

Снижаю громкость музыки и слушаю недовольное бормотание и победные визги, когда ей удается одолеть группу противников. Улыбка касается губ, и я напрочь забываю о том, что не должен так долго смотреть. Тонкие пальцы ловко жмут на кнопки клавиатуры, во второй руке зажата компьютерная мышь. Диана кусает губы, сосредоточенно вглядываясь в экран, и я сам невольно провожу зубами по нижней губе. Очередная победа вызывает приступ ликования: Диана вскидывает кулаки и выпрямляет спину.

– Так вам, засранцы! Не на ту напали! Мамочка все порешала! – вопит она и медленно поворачивает голову, заметив, что я за ней наблюдаю.

В ее глазах искрится восторг, на щеках румянец. Диана берет из вазочки дольку апельсина и кладет ее в рот, слизывает мягкими поцелуями сок с пальцев и хватает еще одну. Seriously? Покормить меня решила? Она протягивает кусочек фрукта, но я качаю головой, ощущая, как воздух в студии становится все плотнее и тяжелее. Смотрим в глаза друг другу, бой не на жизнь, а на смерть.

– Это последний. – Диана настойчиво придвигается, отталкиваясь ногой от пола, и подносит руку к моим губам. – Бери, Марк, я не такая жадина, как ты. Он сладкий.

Нос щекочет цитрусовый аромат, рассудок мутнеет. Мне все труднее и труднее контролировать себя, а наша игра в соблазнитель уже порядком надоела. Забираю у Дианы дольку апельсина и съедаю ее, даже не почувствовав вкус.

– Ты закончила?

Она опускает руку на колено и откидывается на спинку кресла. Склоняет голову и покачивается из стороны в сторону, разглядывая мое лицо:

– Сними наушники.

– Я и так тебя слышу.

– Сними, пожалуйста.

Мне не хочется проигрывать ей даже в этом. Не хочется делать ничего из того, что она просит, но я все-таки стягиваю наушники и кладу их на стол. Скрещиваю руки на груди и разворачиваю кресло. Теперь мы сидим ровно друг напротив друга.

– Марк, когда мы встретились, ты был таким... веселым, зажигательным, интересным. Что с тобой сейчас? Неужели тот облик только для съема? Почему всю последнюю неделю ты ведешь себя как вредная и злобная задница?

– А ты сама не догадываешься?

– Дело во мне?

Дело в том, что я только и думаю, как... как, черт возьми, сильно хочу оказаться...

– В тебе, – вздыхаю я.

Диана отводит взгляд, касается указательным пальцем кончика носа и нервно постукивает по нему. Ее бедра напряжены, грудь поднимается и опадает. Притяжение между нами усиливается, уединение и приглушенный свет в студии рождают такие мысли, от которых волосы на руках встают дыбом.

– Хочешь, чтобы я извинилась?

– Хочу, чтобы ты уехала, – честно отвечаю я.

Она замирает и смотрит в пустоту, не моргая, а я чувствую, как совесть выкручивает запястья. Я веду себя как законченный эгоист, но Диана все-таки на моей территории. Имею право.

– Я не собирался тебя обижать. Вы с Димой отлично ладите, семейное воссоединение и все дела, но я здесь ни при чем. Можно как-то исключить меня из этого балагана?

– Чем бы вы там ни занимались, я вхожу! – слышится веселый голос из-за приоткрытой двери.

Диана хватается рукой за столешницу и подъезжает на стуле к монитору.

– Надо же! – смеется Дима. – Как все прилично!

– Дим, что ты хотел? – холодно спрашиваю я.

– Хотел сказать, что я уехал молодежь по домам развозить.

– Хорошо.

– Мышь тоже уезжает.

– Ладно.

– Вы остаетесь вдвоем.

Диана все молчит, и я тоже ничего не отвечаю. Дима хмурится, глядя то на меня, то на сестру. На его лице отпечатывается недоумение, но я не собираюсь ничего объяснять. Он тоже виноват. Сам ее здесь поселил.

Раздраженно вздыхаю и разворачиваюсь к компьютеру. Именно об этом я и говорю. Мне не нужны все эти сцены, скандалы, выяснения отношений. Я хочу, чтобы все было просто, как и раньше. Хочу контролировать свою жизнь, а не дергаться из-за смеха, звучащего из каждого угла.

– Ди, тебе что-нибудь привезти? Хочешь, потом поужинаем где-нибудь?

– Нет, ничего не нужно.

– А...

– Иди, Дим, – отрезает она. – Я поиграю еще немного и закажу доставку.

– Если что, позвони.

– Конечно.

За спиной закрывается дверь, тишина впитывается в кожу. Сидим с Дианой в молчании несколько минут, сердечный ритм выравнивается, но спокойствие так и не приходит. Одно присутствие этой девушки в радиусе десяти метров не позволяет расслабиться. Я чувствую ее, даже если не вижу. Необъяснимые волны ее энергии касаются тела и путают мысли.

– Трус, – с пренебрежением бросает она и встает из-за стола.

– Что ты сказала?

– Сказала, что ты трус! – повторяет громче.

Поднимаюсь на ноги, ошпаренный злостью. Диана стоит у двери и бесстрашно дергает подбородком.

– Не надо меня провоцировать, – предупреждаю я.

– А то что? Что ты сделаешь, Марк? Захмуришься на меня до смерти?

Она бросает мне вызов. Снова! Забавляется, развлекается. Черта с два! Мне это не нужно, но я уже с трудом могу себя в этом убедить. Колени и ступни горят от желания сделать несколько шагов вперед и прижать уже сучку к стене. Ладони зудят, губы покалывает.

– А я ведь правда думала, что ты классный парень. – Искреннее разочарование в ее голосе отравляет воздух. – Думала, мы сможем стать друзьями.

Не могу сдержать едкий смех, задыхаясь от негодования:

– Друзьями? Ты сказала друзьями?

– А что такого?

– А то, что я не хочу дружить с тобой! – взрываюсь, потеряв контроль. – Не хочу, понятно?!

– Более чем, – кивает она и хватается за ручку двери.

Сердце бьет по ребрам с такой силой, что я не могу устоять на месте. Стираю расстояние между нами до минимума и разворачиваю Диану к себе лицом, схватив за плечи. Она порывисто вдыхает, приоткрыв губы, болезненный ком спускается по моему горлу. Диана дрожит, а меня трясет. Мы оба на грани. Прелюдия слишком затянулась, теперь уже каждый взгляд, каждое слово интимнее, чем что бы то ни было.

– Мне не нужна такая дружба, – рычу я, опуская голову.

– Ты злишься, что я тебя обломала тогда, в первый вечер. Сказать честно? Я и сама об этом жалею.

– Честность и ты? Что-то слабо верится, *Наташа*.

– Я не думала, что мы еще встретимся.

– Но мы встретились, и ты продолжаешь изводить меня.

– Я не извожу.

– Серьезно?

– Я пытаюсь привлечь твое внимание, а ты... ты от меня шарахаешься, будто я посланница чумы.

– Так и есть.

На губах Дианы появляется едва заметная улыбка, теплая ладонь прижимается к моему животу и ползет вверх до тех пор, пока не хватается за ворот футболки. Это край. Я больше не могу. Протягиваю руку и на ощупь нахожу защелку на двери, сжимаю ее пальцами и стискиваю зубы. Наклоняюсь и упираюсь лбом в лоб Дианы:

– Давай... скажи какую-нибудь хрень, чтобы я разозлился. Чтобы психанул и ушел.

Но она молчит. Не издает ни звука, ни шороха, только напрягает руку и тянет меня вниз. Тянет в эту чертову пропасть. Поворачиваю защелку и опускаю ладонь на обнаженную спину, притягивая Диану ближе.

– Ты бесишь меня даже молча.

– Уверена, чувствуешь ты совсем не это, – шепчет она в ответ.

Глажу ее плечи вверх от локтей, кожа под пальцами покрывается крупными мурашками. Диана поднимает голову, заглядывая мне в глаза. Вижу ожидание, обещание и предвкушение. Ее губы манят, призрачное давление на затылок ощущается все сильнее.

– Я не хочу тебе сдаваться, – цежу сквозь зубы.

– Я никому не скажу.

– От этого не легче. Ты будешь знать.

– Тогда представь, что это я тебе сдаюсь. Можешь даже наручники достать, если они у тебя есть.

– Есть, – выдыхаю напротив ее губ.

– Поднимемся в спальню?

Отстраняюсь, Диана растерянно хлопает ресницами. Задумываюсь на пару мгновений, стук сердца в ушах почти оглушает. Нет, никакой спальни не будет, но мы должны закончить то, что начали неделю назад. Всего один раз. И плевать уже кто и кому сдастся, хотя... Нет. Не плевать.

– Марк, – она мотает головой, – если ты сейчас снова сольешься, то я сама тебя к кровати пристегну. Я больше не...

– Закрой рот, – обхватываю ее голову ладонями и поглаживаю щеки большими пальцами. – Ни слова больше.

– Но...

– Или ты меня слушаешься, или...

– Командуй, – лукаво улыбается она.

Глава 7

POV Диана

Голубая радужка глаз Марка скрывается за черными расширенными зрачками, его горячие ладони скользят по моему лицу и обхватывают шею. Сжимаю его запястья, не отводя взгляд, ноги становятся ватными. Кажется, еще секунда – и я упаду.

Измена, кольцо, ложь, провокации, ревность. Все это не имеет значения, не сейчас, когда он так на меня смотрит, когда глотает мое дыхание у приоткрытых губ. Тонкий аромат цитрусовых и теплого сандала бархатными нотками оседает в носу, и я готова по-настоящему сдаться, просить, умолять. Это потребность, навязчивое желание, родившееся из небольшой шалости. Из ловушки, которую я построила для него, но попалась сама. Бесконтрольные чувства и желания оживают в полумраке студии, умоляют забыть и забыться. Тело требует, душа жаждет. И я не хочу им отказывать, себе не хочу.

– Что ты сделала? – хрипло шепчет Марк, напрягая пальцы на моей шее.

– Ничего, – шепчу я.

– Врешь. Ты... ты... – Он закрывает глаза, замирая. – Я хочу тебя придушить. Хочу, чтобы ты исчезла.

– Нет. Не хочешь, – говорю я и провожу губами по его губам.

– Ты такая сука.

– А ты бессовестная сволочь. Мы отлично подходим друг другу.

Марк коротко содрогается, будто я ущипнула его, и отстраняется, заставляя меня практически заскулить от бессилия. Он все еще сопротивляется. Держится куда лучше, чем я. Обида солью пощипывает глаза, непривычное для меня чувство. А осознание бьет наотмашь и осыпает колючими холодными мыслями. Я хочу ему нравиться. Не просто как объект вожделения, а куда больше. Хочу чего-то особенного, но сама не могу понять незримую суть собственных желаний. Откуда они? Почему сейчас? Почему рядом с ним?

– Мы совсем не подходим друг другу, – заявляет Марк.

– Ты правда так думаешь?

– Уверен на все сто.

– Тогда дай мне уйти.

– Не могу.

Дыхание перехватывает. Взгляд напротив подавляет и заставляет подчиняться.

– Не можешь или не хочешь? Это разные вещи.

– Не могу и не хочу.

Он притягивает меня ближе, впиваясь яростным поцелуем в губы, и вдыхает в меня свои чувства: злость, неприятие, сопротивление. Крепче сжимаю его запястья, вдавливая ногти в кожу, и отвечаю с не меньшим напором, терзая губы и касаясь языка. Это борьба, но не друг против друга. Каждый борется с собой, раздвигая границы принципов и убеждений, чтобы дотянуться до наслаждения и освобождения. Шумное дыхание, тело прижимается к телу. Горячо и страстно, порывом необузданного желания, которое мы оба сдерживали слишком долго.

Марк припечатывает меня к стене и подхватывает на руки. Опираясь на сильные плечи, скрещиваю ноги на его поясице. Хочется стать еще ближе, но накал медленно стихает, а движения приобретают плавность и чувственность. Танец губ замедляется, чтобы распробовать вкус и ощутить мягкость кожи.

– Охренеть, – поражено шепчет Марк.

– Не прекращай, – прошу я, потираясь носом о его нос.

Его губы снова на моих, температура в комнате растет. Вздохи и тихие стоны тонут в шумоизоляционном покрытии стен, бедра напряжены, низ живота тянет сладкая боль.

– Марк... пожалуйста...

– Что «пожалуйста»?

– Скажи, что у тебя с собой есть презервативы.

– Нет.

– Тогда я схожу...

– Нет, – решительно перебивает он.

– Но...

– Они нам не понадобятся.

Он несет меня к длинному столу и усаживает на него, тянет за волосы, собранные в хвост, заставляя запрокинуть голову, и хищно улыбается.

– Марк, – взволнованно произношу я, потому что страх смешивается со страстью, образующая черную воронку, из которой нет спасения.

– Да, Диана? Что такое? Больше не хочется меня дразнить?

– Что ты собираешься...

– Собираюсь сделать так, чтобы ты забыла, как тебя зовут.

– Я...

Он целует меня в шею, ускоряя пульс. Цепляет пальцем ляжку топа и тянет ее вниз по плечу, обнажая грудь. Зажмуриваюсь, сжимая ногами бедра Марка. Вскрикиваю от тонкой вспышки боли, возбуждение туманит разум.

– Ты уже не раз спрашивала, что я могу тебе сделать, – горячее дыхание Марка обдает влажную кожу. – Сейчас покажу.

Дрожь сковывает мышцы, чувствую мягкий смешок, ударяющий в ключицу:

– Тише. Не бойся. Ты обещала слушаться меня, помнишь?

– М-м-м... – бессвязно тяну я.

– Будем считать, что это да. Посиди спокойно, ладно?

Марк оставляет еще пару поцелуев на моей шее, касается губ и отходит в противоположный угол студии, где стоят черные пластмассовые ящики. Открывает один из них и достает моток проводов.

Распахиваю глаза шире, встречая его горящий взгляд:

– Собираешься связать меня?

– Не сегодня.

Он опускает провода на стол и наклоняется к компьютеру, запускает какую-то программу и выставляет настройки. Рассматриваю небольшие микрофоны. Сердечный ритм снова разгоняется.

– Запишем тебе новое аудио для плейлиста? – Возбужденный взгляд Рождественского скользит по моему телу, когда он снова встает напротив. – Как тебе идея?

Открываю рот, слов нет, только восторженный писк в голове. Марк одним движением снимает через голову футболку, надевает первый микрофон петлей себе на шею и нажимает кнопку на крошечном блоке питания. Второй микрофон он крепит на мою шею и прижимается губами рядом с поглотителем звука. Стягивает меня со стола и аккуратно опускает на ноги. Влажный откровенный поцелуй рассыпается шорохом сбивчивого дыхания.

– А ты вкусная. – Марк все больше кружит мне голову бесстыдством и смелостью. – Я собираюсь попробовать все. Ты ведь не против?

– Что бы ты ни спросил, ответ – да, – выдыхаю я, зарываясь пальцами в его густые волосы.

Он хватается за резинку «велосипедок» и снимает их, медленно опускаясь:

– Ты знала, что они меня бесят?

– Правда? – Я цепляюсь пальцами за край стола, с трудом удерживая равновесие. – А я думала, они тебе нравятся.

– Я бы запретил их на законодательном уровне.

– Девушки тогда сожгли бы тебя на костре.

– А при чем тут они? Я говорю только о тебе.

Замолкаю в удивлении. Марк отшвыривает «велосипедки» за спину, берет в руки еще один провод, оборачивает его вокруг моего бедра, стягивая кожу. Фиксирует застежкой микрофон и проводит пальцем по линии белья, совсем близко к чувствительной и нежной коже.

– Не белые, – с улыбкой произносит он.

– А у тебя?

– Черные.

– Значит, это еще не конец.

– Как знать.

Марк поднимается и вновь усаживает меня на стол. Град из страстных поцелуев обрушивается на тело, каждая клетка пылает. Шея, плечи, грудь, ребра... живот, бедра, колени... Язык и зубы оставляют следы, мои беспокойные руки тянутся к Марку, но он почти не разрешает себя касаться, не дает перехватить контроль.

– Сиди спокойно! – Он кусает мочку моего уха.

– Не могу. Я тоже хочу...

– Сиди! – Грубый голос бьет точно плеткой, вызывая саднящее наслаждение.

И я сдаюсь. Не хочу ничего делать, предпринимать, отдавать. Только получать, чувствовать и задыхаться. Марк подтягивает для себя стул и садится передо мной.

– Как ощущения, Ди? – он лениво растягивает слова.

Его светлые волосы взъерошены, губы блестят, мышцы на плечах и груди напряжены. Я с трудом понимаю, о чем он, но кое-как еще держусь за тонкую нить сознания.

– Прекрасно. Но кое-чего все же не хватает.

– Да? – Марк обхватывает мои лодыжки и ставит ноги на стул, подъезжая ближе. – И чего же? Расскажи.

– Тебя, – без раздумий отвечаю я.

Он опускает взгляд, порочно улыбаясь, и гладит пальцами влажное тонкое белье, облизывая губы. Напряжение собирается в пылающий шар внизу живота и растекается искрящейся лавой. Татуированная кисть движется между моими разведенными ногами, тело не слушается, содрогаясь в импульсах удовольствия. Подаюсь вперед, намереваясь спрыгнуть со стола, но Марк удерживает меня за бедра.

– Не дергайся.

– Но я... – Слова исчезают в громком стоне.

Запрокидываю голову и хватаю Марка за руку, потому что это так хорошо, что почти невыносимо.

– Не сопротивляйся. Убери руку. Убери, иначе мне правда понадобятся наручники.

– Марк, я... я скоро...

– Не скоро. – Он замедляет темп. – Я еще не разрешал.

Опускаю ладони на его плечи и склоняю голову, упираясь лбом в макушку. Сжимаю губы, глотая стоны, и царапаю его спину.

– Ох, черт... Марк, пожалуйста... – бормочу я. – Этого мало.

Ощущения становятся ярче, давление сильнее. Кожа покрывается вуалью испарины, горло сушит, а ступни сводит. Шорох движений, хриплое мычание Марка, его влажные пальцы, мои вздохи. Все сливается в одно огромное удовольствие на тонкой грани острого лезвия.

– Мне нравится, как ты стонешь, – говорит Марк. – Расслабься, Ди. Не пытайся что-то контролировать.

– Марк...

– Я никому не скажу, что ты сдалась первой.

Слова пронзают насквозь, а касания, связывающие нервы в узлы, отправляют в нокаут. Теряюсь в пространстве, оглушенная собственным голосом. Руки и ноги немеют, от меня остается всего лишь крошечная часть на кончиках бесстыжих пальцев. И он нежен с ней, нежен со мной. Марк встает и проводит языком по моим губам. Слабо отвечаю на поцелуй, все еще паря в теплом воздухе, нагретом страстью. Руки прижимают меня к крепкому телу, голова легкая, глаза закрыты.

– М-м-м... – мычит Марк, углубляя поцелуй.

Царапаю его затылок и притягиваю голову ближе. Его бедра напротив моих, и я хочу все, но едва ли могу сообразить, что должна сделать.

– Кончаешь ты потрясающе, – шепчет он, заглядывая в мои глаза.

Бескрайний горизонт над морем не такой пустой, как его взгляд. Понимаю все без слов и скрываю за улыбкой осколочную печаль:

– Ты мне не сдашься, да?

– Тебе это не нужно.

– Когда я получу запись?

– Скоро.

Марк помогает мне спуститься на пол и отходит, чтобы принести «велосипедки». Привожу себя в относительный порядок и снимаю микрофоны под внимательным взглядом очаровательного засранца, которому только что проиграла. Его спортивные штаны недвусмысленно топорщатся, но он и не думает смущаться или скрывать.

– Мы...

– Не стоит. Я же говорил, что мне важно совсем не это.

– И как у меня с качеством?

– Высший сорт. Будет что вспомнить.

Смеюсь, игнорируя жжение в груди. Подхожу к Марку и целую его в щеку, поднимаясь на носок здоровой ноги.

– Спасибо, – шепчу я и, прихрамывая, направляюсь к выходу. – Мне полегчало.

– Пожалуйста, – монотонно отвечает он.

– Как насчет дружбы, пока я здесь?

– Посмотрим. Может быть, что-то и получится.

– Хорошо.

Открываю защелку и распахиваю дверь. Жжение становится все ощутимее, ноги не хотят идти. Украдкой оглядываюсь, Марк смотрит мне вслед с непроницаемым равнодушием. Даже победе не порадуется? Странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.